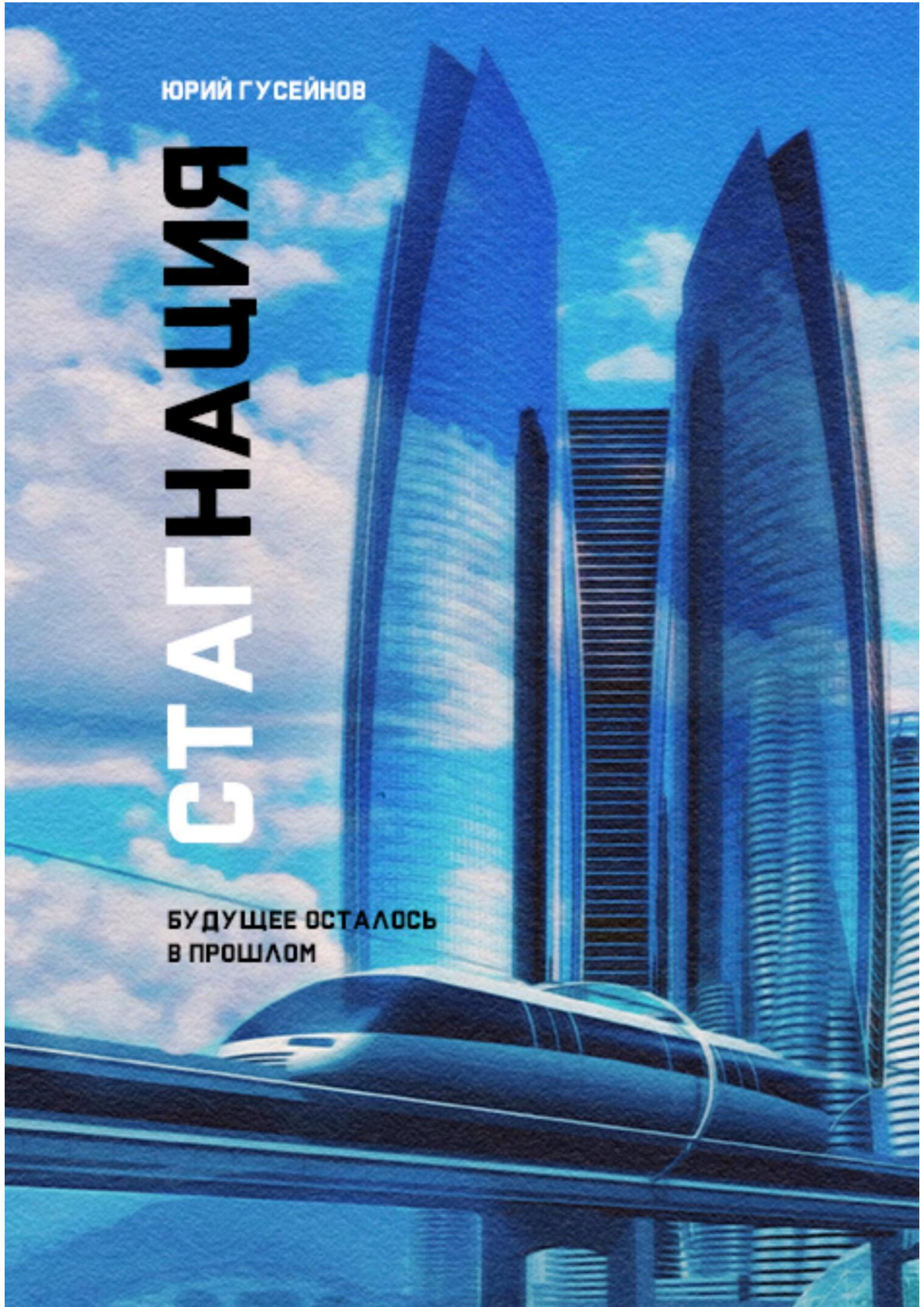

ЮРИЙ ГУСЕЙНОВ

СТАГНАЦИЯ

БУДУЩЕЕ ОСТАЛОСЬ
В ПРОШЛОМ

Юрий Гусейнов

Стагнация

«Автор»

2020

Гусейнов Ю. В.

Стагнация / Ю. В. Гусейнов — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-98435-6

Дейдрим – нейронная технология, позволяющая людям вновь и вновь окунаться в эпизоды собственного прошлого. Проживать одни и те же воспоминания стало нормой. Но в погоне за грезами и идеальными событиями, общество не разглядело возникшую проблему. Нужно ли человеку создавать что-то новое в жизни, если в этом больше нет необходимости?

ISBN 978-5-532-98435-6

© Гусейнов Ю. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

I	5
II	13
III	20
IV	24
V	33
VI	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Юрий Гусейнов

Стагнация

I

Люминесцентные лампы рассеивали лучи, озаряя пустое пространство белой комнаты оттенками желтого. На длинной широкой кушетке в строго вытянутой форме, лежал человек, укрытый легкой накидкой. Его глаза были закрыты, тело неподвижно и расслаблено, а грудь то слегка поднималась, то чуть замерев, опускалась обратно. Свет замерцал на несколько секунд, едва заметные тени пробежали по стенам, и все стихло. А уже после из возникшего дверного проема стали появляться люди в светлых длинных балахонах и с респираторами на лицах. Лежащий начал приходить в себя, и прибывшие устремились к объекту своего наблюдения.

Всем знакомо чувство, когда выходишь из глубокого сна. Сознание неохотно возвращается к тебе. Где ты? Кто ты? Какой сейчас день недели? Опаздываешь ли ты или же вовсе некуда идти? Нечто подобное испытал и этот человек, прежде чем открыть глаза и на секунду ослепнуть от яркого света. Затем краткий миг осознания и мысль: «Неужели все? Все сто пятьдесят лет минули?»

Уши заполонил однотонный гул, словно рядом находилась трансформаторная будка. Один из пришедших чуть склонился:

– Вы помните, как вас зовут? – отрывисто спросил он громким мужским голосом.

Смысл слов дался тяжело. Вопрос был легкий, но на ответ понадобилось время.

– Вы слышите? Понимаете меня? Как вас зовут? – мужчина, застыв в чуть согнутой позе, изливал поток громких слов из-под респиратора.

– Марк, – собственный голос донесся откуда-то извне. Он был хриплым, тяжелым и незнакомым.

– Хорошо. Марк. А полное имя? – продолжал чеканить тот, – у вас есть фамилия, имя и отчество. Вы можете их назвать?

– Круглов... Марк Анатольевич...

– Хорошо, Марк Анатольевич. Вы даете согласие на дейдрим-процедуру?

– Я... я не знаю... не знаю что это...

– Она необходима для всех заключенных фригус-тюрем после выхода из стадии анабиоза. Это нейронная процедура, которая позволит проецировать ваши воспоминания в полном погружении. Для вас она безопасна и бесплатна.

Мужчина выдал информацию без единой заминки, абсолютно не шевелясь.

– Как скажете...

– Вы даете согласие на дейдрим-процедуру, Марк Анатольевич?

– Даю...

– Хорошо. В течение суток ваше тело будет восстанавливаться и приходить в форму. В это время мы просканируем и считаем вашу память. вас погрузят в искусственный сон для ускорения всех процессов.

Пролежать столько лет, чтобы очнувшись, снова заснуть. С этой мыслью Марк провалился в пустоту. А после все повторилось: неосознанность бытия, вопросы кто ты и где и свежие воспоминания.

Когда Марк открыл глаза вновь, он находился в той же комнате. Вокруг никого. Звонкая тишина, сияние белого света. Мышцы хоть и плохо слушались, но все же смогли поднять тело. Он сел на кушетку. Простыня, что укрывала его, сползла до половины, оголив большой когда-то спортивный торс. С минуту парень боролся с сонливостью, а затем поднялся на ноги.

– Эй! Есть кто?

Зеркало на стене от пола до потолка оказалось замечено не сразу. Обмотав нижнюю часть тела, тот короткими шагами пошел к нему. Голова кружилась, босые ноги шлепали по холодному полу, подпитывая чувство тревожности. Из зеркала на него смотрел молодой парень лет тридцати. Широкие грузные плечи и маленькая голова. Под узко посаженными глазами синяки. На голове копна черных кудрявых волос. К груди и вискам прицеплены какие-то прозрачные кругляши-датчики.

– Красавец... – глядя на себя, Марк вспомнил, как когда-то давно хотел начать заниматься спортом, чтобы иметь не мешковатое тело, а стройное и красивое.

Дотронувшись рукой до датчика, Марк развернулся и попытался рассмотреть комнату. Но ничего, кроме кушетки и какой-то странной белой тумбы в дальнем углу, он не увидел. На секунду все расплылось, а после зрение сфокусировалось уже на человеке.

Еще издалека было видно, что он намного выше Марка. Стройный, лет сорока. Азиатские черты лица. Круглые очки. Задержавшись, он прошел в комнату, сгибая в локтях руки, слово маршируя. Движения придавали ему образ инопланетянина из старых фантастических фильмов. Приходить в палату к новому проснувшемуся заключенному стало его рутиной. Он делал так десятки раз. И всегда говорил примерно одинаковые слова.

– Хей, Марк! – сказал он, остановившись у кушетки. Его голос был низким и спокойным, – вижу, вы уже смогли подняться. Как вы себя чувствуете?

– Эм... я... – парень немного замешкался. Ладонь машинально скользнула к горлу, как бы оправдывая хриловатый голос, – скажите, где я?

Мужчина скривил уголок рта:

– Вы находитесь в центре реабилитации. Московской фригус-тюрьмы. Меня зовут Элон Остовский. Я директор этого центра. Чуть более суток назад ваш срок заключения истек и анабиоз прервали.

Из рта Марка вырвался вздох облегчения. Глазам стало больно, то ли от яркого света, то ли осознания новости. Он чуть закинул голову вверх, а затем, немного хромая, подошел обратно к кушетке. Сев, он перестал держать простынь и уже обе руки вначале обхватили горло, затем попытались взъерошить волосы на голове.

– Так как вы себя чувствуете?

– Все плывет... – его голос постепенно утрачивал хрипоту. А интервалы между словами удлинялись.

– Вы помните кто вы? Чем занимались и за что были осуждены?

– Смутно все... как во сне.

– Да. Это нормальное ощущение после пробуждения, – мужчина стоял неподвижно, внимательно разглядывая лицо Марка, – для начала скажу, что сейчас две тысячи сто восемьдесят четвертый год. Лето. Седьмое июля.

Марк Круглов смотрел стеклянными глазами куда-то за спину собеседника. Услышанное пока не осознавалось им в полной мере. В голове стали всплывать последние воспоминания – обещание, что это заключение будет самым страшным наказанием! А теперь он находился здесь, и ему сообщили, что все закончилось. В груди похолодело, а сердце стало биться быстрее.

– Марк, у вас участился пульс, вам все же нехорошо?

– Нет... Не плохо. Просто...

– Прилягте, вам не следовало подниматься так сразу, – Элон начал обходить кушетку.

Парень послушно стал укладываться обратно, пытаясь внимательно рассмотреть мужчину. Высокий, худой. В линзах очков отражалось лицо Марка, напуганное и бледное. Одежда на нем странная. Гладкий, обтягивающий шею и руки, белый бадлон. Такие же белые штаны и серая обувь. Лицо непринужденное с едва уловимой улыбкой.

– Так же хочу сообщить, Марк, что вы успешно прошли дейдрим-сканирование.

– Что это значит? – спросил парень, взгляд его потупился.

– В ближайшее время вы это узнаете. По закону я должен сообщить вам об этом сразу. Пока же для вас это не имеет никакого значения. Еще нужно убедиться, что ваше здоровье в норме и...

– Московской тюрьмы? – вдруг спросил Марк, вновь посмотрев на мужчину.

– Простите?

– Вы сказали, что начальник Московской фригус-тюрьмы?

– Не совсем... Директор центра реабилитации... да, в Московской фригус-тюрьме. Вас что-то смущает?

– Меня судили и поместили в анабиоз в Новосибирске, – его брови слегка приподнялись, взгляд стал осознанным.

Задумчивость Элона Остовского длилась несколько секунд:

– У меня нет информации по этому вопросу. Ваша капсула находилась в Москве больше ста лет. Возможно, ее транспортировали к нам по какой-либо программе реорганизации. Это частое явление, что не удивительно, ведь мы самая крупная фригус-тюрьма в стране.

Взгляд Марка показывал его недоумение. Ладонь снова полезла к волосам на голове.

– Но вы не волнуйтесь, – продолжал Элон, – Вы можете сделать запрос на вашу транспортировку и узнать о ней всю информацию. Только это все после того, как пройдете двухдневный адаптационный курс.

– Какой курс?

– Марк Анатольевич, прошло сто пятьдесят лет. Мир изменился. Каждому заключенному необходимо знать о времени, в которое он попал. Особенно тем, чьи сроки длиннее биологической продолжительности жизни. Это помогает не быть маленьким ребенком в большом новом мире. Кстати, вы – самый старый человек планеты и единственный живший в первой половине двадцать первого века. Новость о вас уже разлетелась по миру, так что в скором времени с вами многие захотят пообщаться. Но об этом пока тоже рано.

Двухдневный адаптационный курс заключенного начинался с первых минут пробуждения. Первая часть – физическое восстановление. Медицинский персонал центра разработал целую программу упражнений и процедур для слабо послушного тела, которой нужно будет следовать ближайшие два дня. Второй частью реабилитации были уроки о современном мире. За заключенным закрепляется куратор, вводивший его в дела политики, культуры и, самое главное, социальной жизни общества.

После того, как начальник реабилитационного центра покинул палату Марка, в нее набегали другие его работники. Трое сотрудников в абсолютно одинаковой форме стали с невероятной скоростью кружиться вокруг. Все они казались похожими на столько сильно, что Марку на мгновение пришла мысль об искусственном интеллекте, о ботах с одинаковыми лицами, захватившими мир. Рост, телосложение и даже манера ходьбы было одинаково. У двух из них на голове надет странный аксессуар, опоясывающий часть лба и затылка тонкой лентой в виде спортивного канта.

Все трое держались отстраненно, хотя и бросали на парня любопытные взгляды. Ему потребовалось время, чтобы понять, что все они – девушки. Медсестры или ассистентки. Они не разговаривали ни с ним, ни друг с другом и от этого становилось немного не по себе.

Круглый металлический столик на колесах возник так же неожиданно, как и все в этом помещении. Кушетка вдруг медленно трансформировалась в подобие кресла, и Марк оказался в сидячем положении. Под крышкой на подносе оказалась знакомая пища. Тарелка с кашей, похожей на рисовую, порезанные фрукты: бананы, яблоко, киви, ананас. Рядом клубника. Небольшая стеклянная бутылка с миксом различных соков и пустой стакан. Не было ни мяса, ни вообще каких-либо плотных продуктов. Одна из сестер объяснила Марку, что

желудку будет трудно переварить плотную пищу сразу после анабиоза. Последним на подносе он заметил еще один стакан, наполненный чем-то похожим на жидкую манную кашу.

– Что это такое?

– Это би-коктейль. Вам понравится. Множество витаминов, минералов и других полезных. Его как раз лучше выпить первым, быстрее усвоится.

Девушка улыбнулась и стала наблюдать, как тот начал пить короткими глотками.

– Как вам?

– Пресно, но не противно, – ответил он, поставив пустой стакан обратно.

Это была его первая еда за полтора века, что, безусловно, было маленьким, но знаковым событием. Сколько длилась трапеза, сказать Марк не мог. Его чувство времени еще не работало как надо. Но как только поднос с едой опустел, столик на котором он стоял, моментально исчез. А вместе с ним и весь персонал.

И в комнате появился еще один человек. На секунду бесполой, это оказался смуглый парень лет двадцати пяти, чуть ниже среднего роста, одетый во что-то похожее на рубашку красного цвета. Короткие волосы, гладкое лицо. Увидев Марка, он расплылся в улыбке, обнажив белые ровные зубы.

– Посмотрите, какой парень тут проснулся? – произнес он, расставив руки в сторону, словно хотел обняться. Но подойдя ближе, не стал этого делать.

Его звали Пир Эмиш. Это был куратор, которого центр реабилитации закрепил за Марком. В одной руке он держал аккуратно свернутую одежду для своего подопечного, во второй браслет серебристого цвета, походивший на наручные часы.

– На ближайший месяц я буду твоим куратором, наставником и лучшим другом! Если ты не против?

– Месяц? – переспросил тот. – Мне говорили, что этот курс будет только на два дня, разве нет?

– Марк, друг мой. Два дня – это только тут. Но чтобы целиком привыкнуть к новой реальности понадобится не меньше четырех недель, – он выставил четыре пальца своей левой руки прямо под нос Марку и вновь заулыбался.

Затем положил рядом с ним на кровать одежду, браслет и поставил на пол обувь, что держал в правой руке.

– Значит, Пир? – глядя на все эти вещи, переспросил Марк.

– Да, парень, Пир. И давай на «ты»? Хорошо? Так будет удобнее нам обоим. К чему эти формальности?

– Так... мы, кажется, уже...

– И правда, – он сел на край кровати и снизил голос, – сейчас я задам самый частый вопрос для этого места. Готов?

– Готов.

– Ты как себя чувствуешь? Голова не кружится? Тело не ноет?

– Хех, – тот слегка скривился в ироничной улыбке, – если все и дальше пойдет в таком ключе, то голова точно заболит.

Куратор только кивнул, не сказав ни слова.

– Одежда для меня?

– Да, – Пир вскочил с кровати, – раз ты себя хорошо чувствуешь, сможешь подняться и примерить ее?

– Смогу. Я и ходить уже пробовал, – пожал печами Марк и не торопясь вновь поставил босые ноги на холодный кафельный пол. Покрывало снова начало сползать, он перехватил его и выпрямился во весь рост.

– Тогда тебе стоит надеть ее. Там, куда мы сейчас пойдем, голым не очень быть хорошо.

Одежда оказалась впору. Это был специальный тип вещей с автоматической подгонкой размера. Серые немаркие цвета. Понадобилось какое-то время и пару подсказок от куратора, чтобы освоить их. Найти и потянуть за нужные шнуровки, чтобы джоггеры и поло стали при-
таленными. Затем, то же самое сделать с обувью. Кроссовки практически не чувствовались на ногах, сидели плотно и облегли ногу внутри чем-то похожим на гель. Когда Марк справился со всеми вещами, то позволил себе посмотреть в зеркало у дальней стены. В отличие от первого раза, сейчас образ понравился ему куда больше. Оставалось лишь причесать торчащие волосы, но в планы куратора это не входило. Как только с одеждой было покончено, он кинул подопечному серебристый браслет.

– А это что? – спросил Марк, поймав его, – фитнес-браслет или часы?

– Всем этим он тоже может быть, – закивал Пир, – это твой ППК.

– Персональный компьютер?

– Угадал только первое слово! Парень, это персональный портативный коммуникатор. Сейчас модно иметь его как браслет. Так что у тебя крутая модель!

– Коммуникатор? Это типа, вместо телефона?

– Это типа вместо всего. Потом объясню. Пока просто надень его.

Марк пожал плечами и защелкнул ППК на запястье. В этот момент двери-купе распахнулись. Перед ними стояла женщина. Кто-то из персонала. Полная, небольшого роста, с короткой стрижкой и тоже с кантом на голове. Увидев стоящего Марка, она запричитала:

– Пир! Вы! – она выпучила на него глаза, – мы уже обсуждали эти моменты с вами! Он сутки после анабиоза и два часа как отошел от сна!

– Все в порядке, – произнес тот будничным тоном, – он уже может ходить.

– Ходить? Он даже не вставал еще ни разу, не то, чтобы ходить!

– Правда? – куратор сделал изумленное лицо и повернулся к Марку, усмехаясь ситуации, – а мне сказал, что уже пробовал передвигаться! Марк, скажи же, что все в порядке.

Тот перевел взгляд с него на нее:

– Все хорошо, я и вправду уже могу ходить.

В ответ женщина лишь кинула на него мимолетный взгляд и снова переключилась на Пира:

– Его мышцы еще не готовы к таким нагрузкам!

– Мы аккуратно, как и всегда.

– Куда? Снова на крышу?

– Именно, милая, – подтвердил он и расплылся в улыбке!

– Я тебе никакая не милая! – парировала та сниженным тоном, – что, до вечера не могли потерпеть?

– Дела не ждут.

– Тогда с Элоном будешь сам утрясать вопрос... дорогой!

– Как скажешь!

Покачивая головой, женщина скрылась обратно за дверьми так же быстро, как и появилась.

– Мне кажется, ей не очень нравится с тобой разговаривать, – заметил Марк, находясь в легкой растерянности.

– Ей не впервые. По статистике каждая третья женщина реагирует положительно на внезапное проявление сближения в словах. Будь то «милая», «дорогая», «родная» ...

– Зачем нам на крышу? – прервал его тот.

– Сейчас ты все увидишь, пошли.

Легкая слабость и дрожь в коленях не дали Марку сосредоточиться на пути вверх. Просторный лифт с огромным экраном в стене привез их прямоком на крышу здания. Минута, и двери раскрылись. В нос ударил сухой уличный запах воздуха, наполненного пылью и электри-

чеством. Чем еще может пахнуть будущее? Только озоном. Солнце ослепляло, чистое голубое небо простиралось до горизонта, плыли редкие белые облака.

– Подойди ближе, посмотри на это, – сказал Пир и указал рукой на перила у края крыши, за которыми открывался вид на современный мегаполис.

Марк замешкался. Вначале он увидел лишь высоту шестидесятого этажа. Чувствовал порывы теплого ветра, но шума самого города было не слышно. Бездна пугала, но через пару секунд он смог сосредоточиться на городском образе. Здесь не было летающих машин или дирижаблей в небе, о которых он успел пофантазировать. Люди не летали на ранцевых ускорителях и огромные космические корабли не заходили на посадку. Это был обычный город с множеством высоток и ничего более. Внизу так же ходили люди, двигались машины и виднелись дороги. Все было непримечательно за исключением одной детали, которая, спустя минуту, стала бросаться в глаза первой. Это огромные металлические дуги, тянущиеся от одной высотки к другой, затем к третьей и так далее. Будто рельсы огромного аттракциона они накрывали практически весь зримый город. В основном уходили на крышу зданий, но иногда соединяли их на больших платформах сбоку, словно на гигантском балконе. Несколько таких дуг шли и к их зданию.

– Что это такое?

– О, да, парень, – Пир слегка улыбнулся и почесал указательным пальцем лоб, – Многие замечают это в первую очередь. Этот ветро.

– Что?

– Ветро. Поезда ходят между зданиями над городом. Смотри.

Он указал рукой в сторону. Там, под одной из таких дуг парил на магнитном поле самый настоящий поезд, всего лишь с двумя вагонами и очень похожий на скоростной. Дуги служили ему большой магнитной монорельсой, по которой он ходил словно поршень. Когда поезд добрался до платформы соседнего здания, из него начали выходить с десятков людей. Стало понятно, что это была, одна из его станций. Часть осталась на месте, часть скрылась за турникетами дверей в здании, кто-то на лифте поднялся на его крышу, где находилась еще одна станция, судя по другим путям к ней.

– Завораживает, правда?

– Немного. Когда я смотрел на город в последний раз, такого еще не было, – Марк отвел взгляд, и посмотрел на своего куратора.

– Знаю, парень. Ты теперь старейший человек Земли! Тебе, наверное, Остовский говорил. На самом деле, я рад, что для твоей адаптации выбрали именно меня. У меня к тебе тоже будет много вопросов.

– Тогда задавай...

– Нет, сначала ты.

– Легко сказать...

– Ну, обычно спрашивают о том, что бросается в глаза.

– В глаза... да, бросается. Люди.

– Что с ними?

– У некоторых я заметил на голове нечто похожее на диадему.

– Диадему? – Пир сморщил лоб.

– Да, полоса вокруг головы, как кант для волос.

– А-а, это нейронер.

– Что это?

– Устройство, помогающее стабилизировать и проецировать твои воспоминания при дейдрим-процедуре. Он очень популярен. По статистике только у каждого третьего его нет.

Марк какое-то время помялся:

– Ты мне скажи вот что, только без обид... мне как-то сложно воспринимать то, что говоришь... Вернее не так. Я не всегда сразу улавливаю суть твоих слов, твоих предложений.

– Будто бы тебе что-то режет слух?

– Можно и так сказать, да.

– Это нормально. За то время, что ты был в анабиозе, изменилась культура речи, культура общения. Произошла большая глобализация языка – многие слова смешались в разных диалектах. Так что это естественно, что ты не всегда понимаешь какие-то слова или фразы. Зато стало проще учить иностранные языки. Между прочим, многие лингвисты считают, что через сотню-полторы лет наступит полное объединение языков и все станут говорить на едином.

– Когда-то нечто подобное я слышал от моей бабушки. Только она говорила, что люди раньше говорили на одном языке, но потом Бог их разделил...

Договаривать он не стал, потому что бабушкино лицо тут же появилось перед глазами. Казалось, они виделись с ней не так давно, хотя она умерла еще до ареста. Этот временной скачок никак не укладывался у Марка в голове.

– Ветро, – он повторил слово, будто пробуя его на вкус и стараясь отвлечься, – странно звучит. Раньше было только метро.

– Поезда под землей, – закивал Пир, – я почему-то думал, что ты их тоже не застал. Сейчас они так же есть. Но рост агломераций и геометрия движения по ним не позволяют быстро добираться до нужного места. Рыть тоннели под землей долго, затратно и не всего позволяет ландшафт. А построить ветроллы от здания к зданию быстрее и проще.

– Давно они... ну... появились?

– Имеешь в виду вообще? Самой первой ветролинии, если я не ошибаюсь, уже больше шестидесяти лет. Здесь в Москве.

– А почему такое название?

– Понятия не имею, парень. Но, как мне лично объясняли, что это от слова «ветер» – быстро и на свежем воздухе. Правда я слышал и другую версию, что это созвучие от «метро» и «ветви». Будто поезда ходят над городом по ветроллам, которые раскинули по нему словно ветки деревьев.

– Вторая мне нравится больше.

– Забирай и пользуйся, – тот скривился в легкой усмешке и тоже подошел ближе к перилам. Повисла пауза.

– Зачем мы здесь? – Марк смотрел на своего куратора сверху вниз. Пир был на полголовы его ниже, но казался шире в плечах. Он стал пристально смотреть куда-то вдаль, не поворачиваясь к Марку лицом. Затем вздохнул, ухмылка сползла с его лица, а голос стал серьезным:

– На этом месте ты далеко не первый.

Марк кивнул.

– И все фригус-заключенные без исключения, до того, как сюда приходят, думают, что мир изменился до неузнаваемости. Что он абсолютно другой. Но это не так. Он все тот же. Немного другие детали, но суть осталась неизменной. Я хочу, чтобы все освобожденные видели это сразу. Понимаешь?

Марк стал наблюдать, как очередной поезд отправляется от их здания куда-то вдаль, набирая скорость.

– Может быть, – ответил он, – как мне это понять? Как понять, что мир все такой же простой? Если для его освоения мне понадобился куратор?

– Думаешь, парадокс? – Пир показал растерянную улыбку. – Видишь ли, в скором времени тебе может показаться, что быт, культура, техника – все другое. Новое, непонятное. Особенно тебе. И это, правда, отчасти. Но я хочу, чтобы ты сразу понял – это лучшее время для нас всех. Комфортно и легко жить. И так это выглядит со стороны.

Он медленно провел рукой по просторам городского вида.

– Если, не принимать во внимание некоторые нюансы, то ничего необычного?

– Именно, – Пир щелкнул пальцами и повернулся к нему, – ничего необычного. Но намного лучше.

– Что, даже средняя продолжительность жизни стала выше? – попытался пошутить Марк.

– По статистике восемьдесят четыре у мужчин, у женщин восемьдесят семь.

– По-прежнему живут дольше нас, – заметил он, немного удивленный быстрым ответом куратора.

– Это третий показатель в мире.

– Какое достижение для страны! Правда, стали жить лучше?

– Социально-экономическое преобразование.

– Давно?

– Все постепенно. Но первые изменения, если верить истории, были ощутимы уже около семидесяти лет назад.

И, наконец, смысл слов о пройденных годах прошел сквозь пелену неосознания Марка. Семьдесят лет! А у него прошли все сто пятьдесят! Ушли. Скорее всего, теперь не было знакомых мест на этой планете. Все очертания изменились или исчезли вовсе. Не было тех самых зданий, дорог, деревьев, чьи образы были еще так светлы в его памяти. Многое из всего этого появилось намного позже. А самое главное – люди. Не осталось никого, кого он бы мог знать. Ни единой души. Или тех, кто мог знать тех, кто мог бы знать его. Эту цепочку можно было продолжать довольно долго. Он был максимально чужим. За пределами этого здания у него не оставалось ничего. Не было дома. Ни в этом городе, ни в другой точке мира. Его никто не ждал, никто не встречал. И он больше никогда никого не увидит из родных лиц. Никому, не нужен в самом полном понимании.

На какое-то мгновение легкие Марка сдавило. Он отошел от карниза, стараясь сделать вдох. Один глоток воздуха, второй. Это была не паника, лишь страх от мысли настоящего одиночества.

– Эй, парень? Тебе плохо? Дыши глубже, – Пир, заметив его состояние, схватил его под руку.

– Знаешь, чего я хочу? – спросил Марк, немного отдышавшись.

– Чего?

– Я хочу найти все что, есть на моих родных и друзей. Фотографии, видео, упоминания. Они ведь теперь далеко. Это же можно сделать?

Куратор несколько секунд обдумывал его вопрос, стараясь не выглядеть растерянным. «Они не далеко», – пронеслось у него в голове, – «их просто нет!».

– Конечно, можно, – вслух ответил он.

II

Важной частью реабилитационного курса являлось восстановление человека во Всемирной Информационной Сети – ВИС. Марк и куратор вернулись обратно в палату пробуждения, где за время их отсутствия, появился большой стеклянный стол с тонкими металлическими ножками и два мягких стула с высокой спинкой. Они сели друг напротив друга. Марку, как всем остальным, полагался портативный персональный коммуникатор в виде браслета на руку. На запястье крепилась пластина, величиной с ладонь, на которую и надевался ППК. Браслет мог проецировать изображение, а сама проекция служила подобием сенсорного экрана. Человек мог водить пальцами, не притрагиваясь к своей коже. ППК заменял людям любой гаджет личного обихода. В ухо вставлялся микроскопический наушник высокой чувствительности с микрофоном и динамиком. Устройство так идеально ложилось в ухо, что практически не ощущалось. Кроме того, его присутствие никак не искажало звуков извне, поэтому девайс можно было носить двадцать четыре часа в сутки.

Данные от посторонних глаз тоже тщательно скрывались. Увидеть проекцию на руке можно было только с помощью специальных линз, которые улавливали индивидуальный спектр транслирования ППК. Все настраивалось индивидуально, поэтому нельзя было увидеть через свои линзы трансляцию с чужого коммуникатора. Марку они понравились больше всего остального после того, как он узнал, что некоторые типы линз способны не только менять цвет глаз, но и иметь ночное видение.

Как только с гаджетами было покончено, ему предстояло окунуться в цифровое пространство современного мира. Здесь не существовало понятия социальных сетей. Всем этим теперь была только ВИС. На территории России действовали собственные серверы рунета с незаурядным названием РуВИС. Сервисы заключались в разных приложениях для ППК и эта часть была Марку хорошо известна, ведь суть их работы родилась как раз в начале его XXI века. Отличие было лишь в том, что аккаунт современного человека в ВИС – это официальный цифровой документ, подтверждающий его личность в государстве, а также открывающий ему возможность пользоваться приложениями в сферах юриспруденции, экономики, культуры и многом другом. С его помощью человек совершал любые покупки, передвигался, развлекался и, конечно же, общался. Жизнь вне системы ВИС была попросту невозможной.

– Знаешь, Пир, раньше я очень много проводил времени в своем телефоне. Буквально вся жизнь у нас была там. Но я и представить не мог, что телефон сделается обязательным условием для существования.

Тот заулыбался, перебирая пальцами по своему коммуникатору:

– Правда? Мне казалось, что примерно в ваше время это все и началось?

– Не замечал...

– Если ты не хочешь носить ППК на руке, можешь этого не делать. Просто это удобно. Тебе часто нужно будет идентифицировать себя, всюду его прикладывая. Конечно, можно всегда таскать ID-карты, но это не так практично.

– Теперь вся жизнь буквально, – повторил Марк, словно не слыша своего куратора.

– Сейчас, ты активируешь свой профиль, и все станет проще. Включай коммуникатор и выбирай один из вариантов.

На экране коммуникатора Марку предлагалось три варианта степени защиты, заключающиеся в распознавании владельца. Это было не ново, про себя он отметил, что лучшего решения защиты персональных данных за полтора века так и не нашли. Первым способом было распознавание человека по отпечаткам – никто не сможет пользоваться ППК, пока не пройдет скан одного из своих пальцев. Тут же была оценка защиты этого способа – пять из десяти. Второй способ являл собою распознавание лица и голоса. Он оценивался в семь баллов, но внизу

высвечивалась справочная информация, предупреждающая, что в случае травмы или другой причины, повлекшей за собой неумышленное изменение внешности, система не сможет идентифицировать владельца. Это был риск. Заключительным третьим вариантом являлся ДНК тест и тембр голоса. Достаточно было только подуть на сенсор и сказать кодовую фразу. Девять из десяти. Немного поразмыслив, Марк выбрал последний.

– Ты не переживай, – куратор похлопал его по плечу, – не нужно будет каждый раз делать это все. Только если ты его снял. Пока он у тебя на руке, ППК будет определять тебя, как владельца по твоим биометрическим данным. Пару минут потребуется для его первичного анализа данных. И пару недель прибор будет проводить твою полную диагностику.

– Зачем пару недель? – искренне удивился Марк.

– Чтобы коммуникатор понимал, какая биометрика у тебя в разных фазах твоей жизни. Когда ты спишь, ешь, бегаешь. Иначе есть риск, что он не распознает тебя. Вот решишь ты пробежаться однажды, у тебя участится сердцебиение, а ППК подумает, что это не ты, ведь у владельца так сердце биться не должно. И он заблокируется вместе с твоим профилем.

– А что мешает ему сделать это в ближайшее время? Ведь он еще не знает... как я бегаю? Я его только надел.

– Сейчас он в режиме диагностики. Пока будешь чаще, чем обычно подтверждать себя способом, который ты выбрал. А как только коммуникатор закончит сбор данных – получишь уведомление.

– Смотрю это умная штука, – Марк еще раз взглянул на запястье, рассматривая браслет.

– Умнее некоторых людей, – Пир рассмеялся, но Марк не разделил его настроения:

– А как эта штука себя поведет, если кто-то против моей воли захочет им воспользоваться, не снимая с моей руки?

– Ну, не скрою, такое случается. Но по статистике редко. Это много мороки: надо как-то обездвижить человека, вырубить, отключить... Знать, что у него на ППК не стоят дополнительные программы защиты, позволяющие исключать работу приложений в неактивной фазе владельца. Например, когда он спит. А отследить преступника очень быстро. Пострадавшему легко доказать, что его коммуникатор был задействован не им, и СР-кейсом пользовались без его ведома.

– Чем-чем пользовались?

– Расскажу сейчас. В общем, пока с этим не парься – твои данные надежно защищены системой.

И тот лишь кивнул. После выхода Марка из анабиоза, работниками реабилитационного центра были подняты архивы по его делу. В период полной оцифровки личных данных населения и переход на цифровую бюрократию фригус-заключенные подверглись этой процедуры не в полной мере. Вся информация о нем уже была в системе, и его идентифицирующий профиль был создан, но для окончательной его работы нужно было заверение самого владельца – электронная подпись.

Пир протянул небольшой планшет, в котором читалась вся информация, собранная на Марка. Он и не думал, что ему придется узнавать себя самого по документам. В профиле было все: важные даты – от рождения до первого официального увольнения, места работы, образование, медицинские показатели и даже некоторые биометрические данные, оставшиеся с того времени. Взгляд Марка привлек пункт «особые критерии», в котором указывалась информация, о его судимости. Описание преступления, степень тяжести. Он совершил тогда непростительную вещь, но на это была причина. Секунда – и он уже прокручивал в голове те сцены. И чтобы не уйти в них с головой, просто перестал вчитываться в текст. Нужно было всего лишь поставить подпись, коснувшись указательным пальцем на специальном маркере планшета. Марк сделал это без особого промедления, и процедура завершилась.

– Мои поздравления! – Пир расплылся в улыбке и широко расставил руки, – Теперь ты официально появился в новом мире. Так что теперь сегодня твой второй день рождения!

Он сделал движение ладонью от своего коммуникатора в сторону Марка, словно что-то стряхивая с руки. ППК на руке парня тут же издал сигнал, и на мониторе высветилось сообщение: «Пир Эмиш. Заявка на добавление в контактный список. Принять?» И два варианта ответа. Марк подтвердил заявку, чем еще больше развеселил куратора:

– Так нам будет проще поддерживать контакт. По любым вопросам теперь сможешь связываться со мной в любое время.

– А как ты меня нашел в сети?

– Отправил контакт-запрос на ближайший ППК человека. То есть твой.

Он повторил движение:

– Это называется свип – так ты можешь передавать информацию, кидать запросы и особые команды со своего ППК на другие устройства в пределах нескольких метров от них.

– Так просто?

– Именно. Все настраивается. Не хочешь получать запросы – ставишь блок. Хочешь получать определенного типа запросы – ставишь фильтр. Можешь выбрать расстояние передачи, копирование при передаче или удаление данных. Много чего...

– Думаю, разберусь.

– А куда ты денешься, парень?

Марк хмыкнул и стал изучать интерфейс коммуникатора. В нем не было ничего необычного, такие же кнопки и ссылки, работа приложений была знакома. Разве что не было пестрых цветов, раздражающих зрение. Одним касанием можно было открыть информацию о себе, что Марк и сделал. На него смотрела собственная фотография из старого паспорта. Рядом фамилия, имя и отчество. А вот в верхнем правом углу над фото была надпись «социальная значимость». И цифра «3+».

– Пир? – позвал тот, – что такое три плюс?

– Хорошо, что ты это заметил, – голос куратора стал чуть серьезней, – эта цифра – основа основ современного общества. Главное отличие от общества твоего времени.

Людам с момента рождения и до самой смерти Министерством социальной защиты Российской Федерации присваивалась оценка социальной значимости. Существовал сложный алгоритм, состоящий из базовых или фундаментальных значений, поделенных на сумму переменных, являющихся разными потребностями человека, и умноженных на его достижения. Полученный результат выражался в одном из десяти уровней для удобного восприятия. Чем выше уровень – тем больше считался вклад человека в жизнь общества. Социальная значимость давала возможности, преимущества и привилегии в разных сферах жизни. Одним из них было основное занятие человека – его работа. Рабочая деятельность тоже имела множество категорий, которые представляли собой условия социального пакета и систему трудового содержания.

– И как я это должен понять? – Марк нахмурил брови, отстраненно смотря в экран ППК, пытаясь уловить суть слов, – что за социальный пакет с условиями?

– То, что будет тебя обеспечивать. То, для чего ты работаешь. Раньше люди трудились за материальные ценности, теперь за социальные блага. Или за условия содержания жизни. Называй, как больше нравится.

– Это ты так хочешь сказать, что денег теперь не платят?

– Практически да. Теперь у обычного человека нет необходимости в простых деньгах.

– Знаешь, это звучит, как утопическая сказка или мечта. А и в то, и в другое слабо верится.

– И, тем не менее, Марк, это так. Твой заработок – это условия социального рабочего пакета или кейса. Сокращено СР-кейс. Он позволит тебе все, что необходимо: маркеты, досуг,

транспорт, любые услуги на рынке. Конечно, условия в СР-кейсах разные. Чем выше статус – тем больше предложений о работе с лучшими трудовыми пакетами.

– И на что я могу рассчитывать со своими тремя с плюсом?

– Плюс говорит о том, что тебе частично будет доступна работа из четвертой категории.

– Какая роскошь, – скептически подметил Марк, положил руки на стол и посмотрел на куратора, – и как именно мне определили социальное значение?

– Об этом подробно ты можешь запросить министерство социальной защиты. У каждого человека уникальные значения переменных и достижений. Многие оспаривают, запрашивают перерасчет социальной значимости, требуя учесть те или иные заслуги. Или, наоборот, что-то не учитывать. Даже судятся. Большую роль играет образование. В твоём случае в алгоритм точно заложили судимость.

– Уж не сомневаюсь. Это пошло в достижения? – он скривился в легкой усмешке.

– В знаменатель. На достижения умножают, поэтому там должны быть только положительные показатели. Мы все это можем узнать сейчас, хочешь? Я помогу сделать запрос в министерство. Это интересно. Три плюс, говоришь? В профиле ты можешь узнать значение этого плюса. Как правило, это сотые и даже тысячные. Круглые числа редки. Плюс – значит, что доля перевалила за пять десятых.

– А какая у тебя категория? – теперь Марк скрестил руки на груди. Он почти рассмеялся, увидев реакцию Пира на свой вопрос.

– Вообще-то, информация о социальной значимости, крайне конфиденциальна. Практически секретна. Она может быть видна юридическим лицам и некоторым физическим, но только с твоего разрешения. И просто так я не рекомендую ни с кем ей делиться.

– Не совсем честно. Ты мой уровень знаешь.

– Издержки профессии.

– И все же?

– И все же мы с тобой не так хорошо знакомы, – Пир заигрывающим тоном отпустил очередную шутку, – но вот с запросом помогу. Давай?

– Нет, спасибо, – Марк отмахнулся, – на самом деле мне нужно отыскать данные о своих родных. Вот что я хочу. Это можно сейчас сделать?

– Можно, но не так быстро, парень. Это тоже запрос. Но через БДИ.

– Через что?

– Банк данных истории.

– ППК, БДИ. Этот мир сошел с ума. Мало того, что за деньги больше не работают, так тут теперь еще и куча аббревиатур, которые никак не умещаются в голове. Ощущение современного советского государства, – Марк иронично посмотрел на него.

– И вновь не ты первый об этом говоришь. Но современное государство далеко от того, которое было в XX веке.

– Охотно верю. Что там с этим банком истории?

– По статистике люди начинают искать близких уже в первый день. Сейчас я кину тебе все инструкции и буду рассказывать, как и что делать.

Понадобилось какое-то время, чтобы Марку стал доступен нужный сервер. Информация была закрытого типа. Для разрешения было необходимо правильно оформить запрос. Цель: поиск родственников фригус-заключенных. Статус запросившего: освобожденный. ФИО освобожденного: Круглов Марк Анатольевич. Дата заключения в анабиоз: 6.07.2034. Дата освобождения: 7.07.2184. Общий срок: 150 лет.

На следующем этапе поиска требовалась идентификация куратора в подтверждение заполненных данных. А уже потом открывалась анкета разыскиваемого, куда нужно было ввести все данные человека.

– Ты все помнишь? – спросил Пир Марка, когда тот замешкал, – кого ты хочешь найти?

– Свою маму... Круглова Марина Александровна, тысяча девятьсот семьдесят восьмого года рождения...

По всем введенным параметрам он нашел двух женщин и сразу же узнал в одной из них свою мать. На него смотрела сорокалетняя женщина с паспортной фотографии. Марк открыл ее профиль, но информация появилась не сразу. Пришлось ждать несколько минут, прежде чем система идентифицирует его как родственника и профиль станет доступным. В нем были все данные, сохранившиеся с того времени. Как пояснил Пир, тогда еще не было электронных паспортов, но копии страничек тогдашних соцсетей сохранились. Вообще вся информация, оцифрованная с момента появления интернета, была в БДИ, что упрощало задачу Марка. Хотя историю современных людей было отследить гораздо проще, был бы доступ.

В случае с родителями Марка не так. Тут была информация о том, где они жили, кем работали, сколько у них было детей, но чем они занимались, куда ездили в отпуск или ходили в магазин – нет. Ему и не нужно это. Важно было понять, что с ними стало, после его заключения. Он стал просматривать их аккаунты. Мама выкладывала фото с отцом на фоне Новосибирского отделения фригус-тюрьмы с надписью «его жизнь будет долгой». Детские фото. Куча комментариев с соболезнованиями и осуждением государственных чиновников. Множество фотографий с пикетов и митингов в поддержку отмены фригус-заключения на длительные сроки. На момент погружения в анабиоз его матери было пятьдесят шесть лет. Они с отцом прожили в Новосибирске до конца жизни. В марте две тысячи пятьдесят пятого года на семьдесят седьмом году ее сердце остановилось.

В профиле отца фотографий было чуть меньше. Особенно печально Марку было смотреть на сделанные уже после его заключения в анабиоз. Наблюдать, как родители старели, как сначала пытались, а затем смирились горю и улыбались по-настоящему. У мамы до последнего были длинные русые волосы. Марк помнил, как она всегда заплетала их в косу. На глаза ему попалось видео, где родители со своими друзьями ездили в Турцию. Они называли это последним пенсионным отпуском и смеялись. Это было на седьмой год заключения. Думали ли они тогда о том, что больше не увидят его? Была ли у них надежда? Оставалось еще сто сорок три года, которые они не переживут. Как они с этим справились? Их сын был, практически, мертв для них! А говорят, что родители не должны переживать своих детей! Это неправильно. Так что же здесь? Кого наказали больше – Марка или их? В чем здесь выражалась справедливость? Отпуск был словно маска, скрывающая всю боль и ненависть к окружению! Не удивительно, что отец умер от инфаркта за два года до маминой кончины. Ему было семьдесят четыре.

– Как жилось родителям в такой ситуации? Они ведь даже не были уверены, что я смогу дожить до окончания приговора. За сто пятьдесят лет что угодно могло произойти, даже я не был уверен. А они? Не слышать, не видеть, но надеяться на лучший исход, – на глазах Марка появились мелкие крупинки слез. Не стесняясь куратора, он смахнул их двумя пальцами правой руки, продолжая смотреть на фотографии.

– Они наверняка приходили посмотреть на тебя, – тихо произнес Пир.

– Приходили?

– Раз в год фригус-тюрьмы обязаны были предоставить право на посещение капсул заключенных для родственников и друзей. Это обязательная процедура, как гарантия того, что все процессы не нарушены и условия заключения соблюдены. Твои родители тогда могли видеть тебя.

– И что? Думаешь, им было от этого легче? Видеть, как их сын лежит мертвым грузом в мавзолее? Думаешь, их это утешало?

Тот лишь вздохнул и заговорил не сразу:

– Я хочу сказать, что по статистике девяносто процентов посещений фригус-капсул приходится на первые десять лет. И нет данных на капсулу, которую бы совсем не посещали. Так что...

– Что? Зачем мне вся эта информация, Пир?

Тот ничего не ответил, и Марк начал смотреть сквозь него. Мысли стали путаться, голова загудела, и он почувствовал, как участился стук сердца.

– Я бы сейчас закурил.

– Как? – куратор словно не понял вопроса.

– Ну, сигарета. Табак, никотин.

– Есть, правда это не совсем...

– Что? – Марк перебил его, – не совсем что? Только не говори, что легально? Или что люди забыли, что это такое.

– Нет, не забыли, – Пир поджал губы, – и не запрещено. Мало кто это делает.

– Да-да, наверняка тут все ЗОЖ – еще одна аббревиатура в копилку, но все-таки? Есть?

– Есть.

Куратор полез куда-то во внутренние карманы своей одежды, достал из них несколько квадратных пачек разных размеров и отправил по столу в сторону Марка:

– Это не совсем сигарета в ее классическом понимании.

– А что это? Парогенератор? Вейп? Дрипка?

– И да, и нет.

Устройство было электронным. На сигарету походило лишь формой. Миниатюрного размера, состоящее из трубки-цилиндра – аккумулятора, испарителя и маленького подобия бачка, в который вставлялась крохотная капсула. Одну из капсул Пир вытряхнул Марку на ладонь, протянувшись через весь стол.

– Это бэйл, спрессованный табак, пропитанный испарительной жидкостью с разными вкусами. Он вставляется в этот бачок, крышечка закрывается и все. Нажимаешь сюда и вдыхаешь. Правда это не совсем дым, а пар, но эффект тот же.

– Это мне знакомо, классика.

Парень затаился и на секунду замер, ожидая, что раскашляется. Но ничего не произошло, лишь вкус какой-то ягоды или фрукта. Ничего не ощутив, он выдохнул.

– Ну как? – спросил куратор, наблюдая за выпущенным паром.

– Пока никак. В мое время это называлось вэйпить или парить.

– И сейчас тоже называется – парить. То есть что это такое в принципе ты знаешь?

– Знаю. А обычных сигарет нет? Которые поджигаешь и куришь?

– У меня нет. Но можно достать. Они дорогие и редкие, но сейчас все можно найти.

– Понятно. А есть не ягода?

– Не нравится клубника с вишней? Есть кофейные зерна.

– К кофе я равнодушен. А вкус коньяка или виски? Или без вкуса?

– Прости, парень, – Пир развел руки в сторону, – ну у тебя и запросы. Обычно заключенным плевать на первые вкусы сигар после пробуждения.

– Понимаю. Извини. Давай тогда кофейные.

Марк вытащил бэйл светло-коричневого цвета, по форме напоминающий капсулу таблетки. Когда цвет становился темным, это значило, что его нужно сменить. Он заправил другой вкус и опять попробовал затянуться. Взгляд упал куда-то вниз. Повисла очередная пауза, длившаяся несколько минут.

– Полегчало? – осторожно спросил Пир, немного погодя.

– Не очень.

– Оставь сигару себе, еще пригодится.

– А... так она же твоя... а ты?

– А я не курю. Многие заключенные из прошлого предпочитают закурить в первые часы. Так что приходится иметь такие штуки для подобных случаев. По статистике считается, что

человеку проще привыкнуть к окружающему миру, когда его старые привычки будут поддерживаться. Так что это подарок. Бери.

– Вот оно что. Как клиентоориентированность?

– Можно и так сказать.

– Тогда спасибо, – Марк сделал глубокий затыг и вновь открыл на ППК профиль своих родителей.

– Наверное, в такие минуты людей нужно оставлять наедине, чтобы они вот так вот посидели, покурили, собрались с мыслями, и пришли к какому-то осознанию. Но по инструкции не положено, – сказал Пир, глядя куда-то вдаль.

– По какой еще инструкции?

– По рабочей, парень, по какой же еще?

– Ты теперь всегда вот так будешь таскаться за мной? И мне никуда будет нельзя без твоего ведома что ли? А я думал, что вышел из тюрьмы.

– Расслабься, так будет не всегда. А куда бы ты хотел пойти один?

– Я... я не знаю... черт возьми, я ничего не хочу. До меня еще не дошло где я и что вокруг.

– Тогда я посоветую дейдрим. С тобой это еще актуальнее, ведь у тебя мало данных о том периоде, – Пир ткнул пальцем в его коммуникатор, – в базе очень мало информации. Так что придется брать ее из твоей головы. Возможно, в них ты найдешь утешение.

– Эта та процедура, на которую у меня спрашивали разрешение вчера? – Марк обхватил ладонью свою голову.

– Да. На сканирование твоего головного мозга.

– Как она мне поможет? Убьет во мне все воспоминания?

– Наоборот, – Пир попытался улыбнуться и отодвинулся от стола, – Поможет погрузиться в нужные и вновь ощутить моменты радости.

– Как гипноз?

– Не совсем. Полное погружение в те события.

– Виртуальная реальность?

– Тоже нет. Дейдрим усиливает твое воспоминание многократно. Ты не просто помнишь момент, ты будешь заново его проживать. Как во сне, который кажется таким реальным. Почувствуешь ту гамму эмоций, которая была тогда. Заново. Словно перенесся во времени.

– И это помогает?

– Каждый находит утешение в чем-то из прошлого. Порой прошлое – все, что осталось у человека в настоящем. Почему бы не попробовать и тебе?

Марк скептически отнесся к идее. Перед глазами все еще стояли образы родителей. Какое-то время он собирался с мыслями:

– Я знаю, чего хочу.

– И чего же?

– Вернуться в свой город. Домой, – сказал Марк, наблюдая, как куратор стал мелкими кивками качать головой.

Улыбаться он, от чего-то, перестал.

III

Кабинет Элона Остовского больше походил на комнату отдыха. Зеленые стены, два круглых больших окна, изогнутая мягкая мебель салатного цвета, огромные механические часы на стене под которыми располагался длинный стеклянный стол. Посмотрев внимательно, Марк понял, что у него интерактивная сенсорная столешница. Несколько минут назад они с куратором вошли и теперь тот, скривившись в легкой ухмылке, пошагивал взад-вперед, ожидая начальника.

– Если здесь никого нет, что мы тут делаем?

– Терпение, парень, он сейчас придет, – сказал Пир, – расскажи лучше как твоя вчерашняя процедура физиовосстановления?

В ответ Марк поморщился и размял шею. Все его тело болело после недавнего курса физической подготовки. За время заключения, его мышцы атрофировались и резкая нагрузка на них, могла привести к травме. Потому остаток первого дня он провел под надзором не то врачей, не то инструкторов по йоге. Его заставляли делать комплексы из различных упражнений на все группы мышц. Сначала массажи, что было приятной частью, затем кручение обруча, прыжки и прочие растяжки. И как результат на следующий день мышечные боли в руках, ногах, шеи и живота.

Элон Остовский появился неожиданно из-за неприметной двери, отъехавшей в сторону, в дальней стене кабинета. Увидев двоих людей, он жестом указал на стулья возле стола.

– Пир и... Марк. Хей! – он резкими движениями прошагал к столу и сел напротив них, – прошу прощения за задержку.

– Что вы, не страшно, – Пир отмахнулся и расплылся в улыбке.

– Как вам первый день, Марк? Как физиотерапия?

– Все болит.

– Это пройдет, – Элон сцепил руки в замок и замер, переводя взгляд друг на друга, – А еще? Смотрю, вы уже освоили ППК?

– Да, – Марк приподнял левую руку и покрутил запястьем, – отчасти было привычно.

– Куратор вам рассказал, что из себя представляет современное время?

При этом вопросе Пир ехидно посмотрел на него, ожидая интересного ответа.

– Еще как.

– Многое узнали?

– О социальном статусе, о работе без денег, о новых гаджетах.

– Удивлены?

– Тут есть над, чем подумать.

– И это радует. Но поговорить я с вами хотел не об этом, – Элон Остовский стал делать серию резких движений руками по столу. Марк догадался, что через свои линзы он видит какую-то проекцию, как на коммуникаторе.

– Сегодня заканчивается ваш период адаптации, – продолжал директор центра.

– Он только вчера начался.

– Да, и он двухдневный. Хотя правильнее будет сказать, что эти два дня – только первая и не основная часть всего курса.

– То есть сам курс еще впереди?

– Помнишь, мы вчера говорили с тобой про месяц, в течение которого я буду везде таскаться за тобой? – вмешался Пир и скривился, – вот об этом сейчас.

– Именно так, – ладонь Элона замерла на секунду, после чего продолжила непонятные движения по воздуху, – физически вы восстановились, психологически тоже информацию приняли и способны здраво рассуждать, поэтому осталась социальная часть.

- Допустим.
- Она подразумевает некую обязанность.
- Какую?
- По реабилитационной программе вам положена месячная поддержка от государства.

Так называемый подъемный пакет. В него входит содержание места жительства F-класса, отоварка в бытовых и продуктовых маркетах, суммы и категории продуктов будут перечислены в постановлении. Передвижения внутри города. А также в пакет будет входить городская информационная и социальная поддержка. Это будет хорошим помощником в поисках работы. Подписывая постановление, вы обязуетесь найти работу в течение месяца или сферу занятий для самообеспечения.

- Так быстро? Месяц?

– Да.

- А если я не хочу? Пока не планировал работать?

– Деятельность, способная вас обеспечить, просто необходима. Иначе... у вас не останется средств. Как вы собираетесь жить? Если даже спать будет негде?

Элон Остовский украдкой взглянул на собеседника, после чего взмахнул рукой со стола в его сторону, и на коммуникаторе Марка высветилось сообщение с прикрепленным документом. Государственное постановление о предоставлении реабилитационного пакета гражданину Круглову Марку Анатольевичу, осужденному... Гражданин обязан... в течение месяца с момента подписания... Найти работу с минимальным социальным пакетом обеспечения...

– Притормозите, – он перевел взгляд с ППК на Остовского, затем на куратора, – хотите, чтобы я сейчас подписал это?

- Да, тогда государство сможет помочь вам в течение одного месяца.

- А если я не смогу найти работу? Что тогда? Вы даете мне месяц на все, а что потом?

– Не мы даем государство. Не найдете, будем искать вместе. Нет – вернетесь к нам, и тогда уже в силу вступит другая программа.

- Вернусь обратно в тюрьму?

- Не в тюрьму, Марк.

- А куда? Если даже жилья у меня не будет? И что такое категория класса F?

- Очень даже неплоха, – попытался улыбнуться Пир.

– Сюда вернетесь, в центр, чтобы уже отсюда мы подыскивали вам занятие. А категория «F» да, действительно, неплоха. Современное жилье в современном городе со всеми услугами. Почувствуете жизнь нынешних людей.

– Почувствовать? – Марк проговорил вопрос, ни к кому сильно не обращаясь, – а я должен буду остаться здесь?

- Эм, не понял вас?

- Ну, в Москве? Должен буду остаться тут?

– А вы бы не хотели? Пир говорил мне, что вы были намерены вернуться в Новосибирск. Все еще хотите?

- Да.

Элон Остовский прекратил все движения по сенсорному столу. Чуть приспустив очки, он исподлобья посмотрел на Марка. Затем вовсе снял их и откинулся на спинку стула, аккуратно положив окуляры на стол.

– А вы уверены, Марк, что хотите туда? Вы можете начать строить жизнь здесь в столице. Зачем обратно?

- Там мой дом.

– Вы же понимаете, как сильно изменился мегаполис за сто пятьдесят лет? Скорее всего, вы не увидите там ничего знакомого.

– Что-нибудь увижу. И сам, своими глазами, – он был непреклонен, – пока это мое единственное желание. Разве есть проблемы?

– Нет. Проблем нет. Один нюанс, – Элон повернулся к Пирю, – ничего не поделаешь, если Марк Анатольевич полетит в Новосибирскую агломерацию, то и вам, как куратору, нужно будет лететь следом.

– Да, я понимаю, – Пир поджал нижнюю губу и слегка кивнул, – надо, так надо.

– Э-э постойте, – Марк покрутил головой, смотря на обоих с непониманием, – Так не надо, зачем? Зачем лететь ему?

– Затем что пункт восьмой социального кодекса РФ обязывает кураторов находиться в тесном контакте с подопечным в течение месяца. Не важно где бы те не находились, – директор реабилитационного центра сомкнул ладони, – а вы как думали? Что на третий день после анабиоза отправитесь в свободное плавание через полстраны без поддержки?

– Я об этом вообще не думал.

– Хотя вы можете пройти месячный курс здесь в Москве, а уже потом вернуться туда? – в голосе Остовского, будто бы послышалась надежда.

– Я хочу вернуться туда, понимаете?

– Понимаю. И Пир Эмиш тоже понимает, верно?

Тот кивнул.

– В общем, Марк Анатольевич, ознакомьтесь еще раз с условиями гособеспечения и подпишите документ. После обговорим детали.

С минуту Марк изучал текст на коммуникаторе, после чего глубоко вздохнул и поставил электронную подпись отпечатком, сделал свип, и копия документа перешла уже на стол Элона Остовского.

– Хорошо, – чуть повеселел тот и вновь надел очки, – теперь нужно обговорить сроки и транспорт.

– Когда можно будет отправляться?

– Если хотите, то уже этим вечером.

– Хочу, – сказал Марк, на миг замешкав.

– Что ж, решено. А какой транспорт предпочитаете? Наземный, надземный или воздушный?

– А в чем различия-то? Между надземным и воздушным?

– Воздушный – самолет, а вот надземный – это междугородние системы ветро. Они быстрее, чем поезд или автомобиль, но намного медленнее, чем лайнер. Тут вопрос в том боитесь ли вы перемещаться на каком-то, из этих видов?

– Тогда... не знаю... самолет?

– Пусть будет самолет, – директор кивнул, – Пир? Вы готовы к срочной командировке на ближайший месяц?

– Почему нет? – заулыбался тот и повернулся к Марку, – парень! Будет улетная прогулка сегодня. Так что готовься!

– Тогда решено, – Остовский хотел было подняться с кресла, но остановился, – вот еще что, чуть не забыл. Журналисты. Они уже узнали о вас и теперь жаждут пообщаться. Вчера даже трикоптер запускали, чтобы найти вас и записать.

– Меня? Зачем я им?

– Видите ли, Марк, в наше время очень популярна историческая хроника и интерес к ней только растет. Пик дедрим-процедур, история прошлого... Общество всегда держит во внимании фригус-освобожденных. Особенно, чей срок превышает продолжительность жизни. А вы так и вовсе находка. Так что будьте готовы к повышенному интересу к себе со стороны третьих лиц.

– Этого я не ожидал.

– Да. Так или иначе, вам придется с ними разговаривать. Мой вам совет: не упоминайте где живете, куда едите, чем собираетесь заниматься. Я имею в виду конкретику. Иначе они нигде не дадут покоя.

– Хорошо, спасибо, я учту.

– Не сомневаюсь, – Элон Остовский наконец-таки встал и вышел из-за стола. Пир и Марк сразу последовали его примеру, – рад, что мы так быстро утрясли этот вопрос. Позвольте пожать вашу руку.

Он резким движением вытянул худую ладонь и украдкой улыбнулся. Марк пожал ее, не сказав больше ни слова. Когда они с Пиром уже направлялись к двери, Элон окликнул куратора, попросив Марка подождать в коридоре. Когда тот вышел, Остовский приблизился к Пире и, нагнувшись, проговорил чуть тише:

– Учитывая какое там положение, присматривай за ним в оба, понял?

– Само собой. Вы же меня знаете.

– Потому и предупреждаю, – Остовский ткнул в него указательным пальцем, – посерьезней. И без твоих шуточек. Новосибирск – центр внесистемных и антиглобалистов. Как только он пообщается с журналистами и станет медией, с ним попытаются связаться. Твоя задача не допустить контакта. Смотри, чтобы он не пошел по наклонной.

– Хотите, чтобы я что-то конкретное сделал? По статистике...

– Мне не нужна твоя статистика Эмиш. Министерство социальной защиты не зря доверило мне пост директора этого центра. Как председателю заседаний по социальным категориям, мне нужно, чтобы человек за дверью не стал жертвой фанатиков. Ты же понимаешь, почему именно тебя выбрали для его курирования?

– Из-за отца? – теперь улыбка Пира выглядела настоящей презренной ухмылкой.

– Тебе как никому знакома такая ситуация, верно?

– Знакома....

– Вот. Поэтому для начала дейдрим.

– Что?

– Ты спрашивал, нужно ли сделать что-то конкретное? Убедись, что он воспользуется дейдрим. Работа, социальная значимость и воспоминания – это все, что должно его заботить.

– В прочем как их всех.

– Как и их всех, – Остовский кивнул.

– Не сомневайтесь, – Пир отступил к двери, улыбаясь во весь рот, – уж это я могу устроить, будьте уверены.

IV

На оставшуюся часть дня Марку выпало изучение учебных материалов, которые куратор прислал ему на ППК. Эта были документы о краткой современной истории со ссылками на видео и аудио файлы. Он узнал, что на настоящий момент около девяноста процентов денежного эквивалента рынков России, Европы и Азии сосредоточено в руках юридических лиц. Теперь в современном мире валютой пользовались лишь фирмы и предприятия, рассчитываясь между собой. С людьми же расплачивались социальными благами. Физическим лицам обеспечивали оказание услуг, содержание и досуг. И все это было включено в социальные рабочие пакеты или кейсы – сокращенно СРК. СР-кейсы, про которые так упорно говорил Пир, бывали абсолютно разные. Все зависело от статуса работы, а статус – от уровня социальной значимости человека. Статус присваивался многому: жилье, работа, одежда человека – у всего имелась своя категория по десятибалльной системе, выраженная в буквенном значении. Самыми высокими были категории «А» и «S», самыми низкими «I» и «K». Цифрами указывалась лишь социальная значимость. Людей, имеющих наивысший десятый уровень, называли десятниками. Официально нельзя было сказать, сколько таких людей было в стране и из какой они сферы. Когда только данная система начинала действовать, было модным хвастаться высоким уровнем. Это были люди из политики, бизнесмены и владельцы крупных компаний, некоторые шоумены, люди культуры и искусства. Но это быстро породило негатив в обществе. Начались преследования человека, угрозы и даже расправы за столь вульгарное поведение и выражение неуважения. Статус стали скрывать и вести себя, менее вызывающе.

Изучение хроники современности прервал Пир, рывком вошедший в комнату и заставший Марка за столом. Это было послеобеденное время. Куратор сообщил, что вылет лайнера будет через три с половиной часа.

– И ты вот так просто полетишь со мной? – спросил Марк, не вставая из-за стола.

– Это моя работа, парень. Должно быть весело. Я бывал в Новосибирской агломерации пару раз и очень давно.

– Ну, я там не был еще дольше, – пошутил Марк, но на его лице этого не отразилось.

– А-а, шутки, – Пир погрозил ему пальцем, – это хорошо! Это правильно!

Затем немного помедлил:

– Марк? Помнишь, мы говорили про журналистов?

– Помню, – он стал медленно подниматься из-за стола.

– Они внизу.

– Внизу где? Здесь?

– Да. Уже несколько дней караулят твое появление. Сегодня это случится.

– Как они узнали?

– В наше время мгновенной информации ничего скрыть нельзя. Они знали, что срок самого долго заключения подходит к концу, знают, что первая часть адаптационного курса два дня... так, что как-то само собой и получилось.

– Никогда не давал интервью, – сказал Марк, глядя на него.

– А ты особо с ними и не говори – опоздаем на самолет.

– Уже надо идти?

– А я тебе о чем, парень? Вещей у тебя нет, а билеты есть. Пойдем.

Они плавно спустились вниз с пятидесятого этаж на скоростном, цилиндрической формы, лифте. Углов не было, а стены вокруг проецировали образы города, и вначале могло показаться, что они стеклянные. На полу ковер, из динамиков доносилась нестареющая классика Моцарта. Ехали молча.

Двери раскрылись в вестибюле первого этажа. Огромный холл в тех же зеленых тонах, что и кабинет Элona Остовского. Только больше зеленых насаждений и людей. Мраморный пол, узорчатый высокий потолок. По бокам высокие колонны, разделяющие все пространство на секции. Выход находился в другом конце. Пир ускорил шаг... Марк старался рассмотреть помещение и лица вокруг. Последнее удавалось легко – практически все оборачивались к нему с явным интересом. И стало понятно – они знают кто он.

Когда до огромных в несколько метров дверей, выполненных в стиле XIX века, оставалось пару шагов, идущих окружила небольшая группа людей в светлых одеждах и с одинаковыми короткими прическами. Марк ожидал шумную толпу, вспышки фотокамер, блески объективов, лес микрофонов разных размеров и перебои вопросов, накладывающихся друг на друга. Вместо этого пятеро журналистов лишь отвели их в сторону, словно хотели поговорить наедине. Трое парней и две девушки. У них не было камер и даже диктофонов. В руках не было блокнотов. Все носили лишь очки, а над головами кружило несколько квадрокоптеров. Пир, сделав недовольное лицо, буркнул что-то типа «Быстрее, мы торопимся!» и шагнул чуть вправо.

– Хей! – раздался голос девушки с длинным носом в узких очках, – Вы и вправду Марк Круглов, осужденный на сто пятьдесят лет?

Повисла секундная пауза и Марк, кашлянув закрытым ртом, промямлил:

– Да, это я.

– Что вы чувствуете, поняв, что такой большой срок миновал? – парень слева от Марка смотрел на него, не отрываясь.

– Не знаю... облегчение?

– Для вас годы пролетели в один миг?

– Нет, но будто бы просто долго спал.

– Как вам новый современный мир? Он сильно отличен от того, что вы знали? – Другая девушка справа от них растянула рот в улыбке. Пепельные волосы, большие овальные очки, линзы которых находились вертикально.

– Мне еще мало, что известно, но есть вещи, которые меня удивили.

– Например? – подхватил другой журналист.

– Ну... – тот задумался и посмотрел на своего куратора. На миг тому показалось, что Марк смотрит на него, как на своего адвоката, – устройства коммуникации намного лучше.

Марк поднял левую руку с ППК и покрутил ею.

– Вы можете сказать, за что были осуждены на такой срок?

– Мог бы, но не хотел.

– Скажите, вы планируете в ближайшее время посетить дейдрим-центры?

– Нет, не планирую.

– А вам объяснили, что вообще значит данная процедура? В ваше время такого не было.

– Объяснили в двух словах. Я понял, что это воспоминания. В мое время пользовались фотографиями и рассказами.

Эти слова вызвали легкое веселье у интервьюеров. Марк тоже расслабился и позволил себе улыбнуться. И тут же заметил, как некоторые из проходящих мимо, стали останавливаться и подходить ближе к месту разговора. Они привлекали внимание зрителей.

– А как вам современная социальная жизнь? – вновь послышался голос девушки в овальных очках.

– Надеюсь, она окажется, так же сбалансирована, как мне и обещали.

– Марк, что вы планируете делать в ближайшее время?

– Попытаюсь освоиться, наверное. Мне много еще нужно узнать, попробовать, понять. Не знаю, пока ничего неопределенного.

– А вы уже узнали свой уровень социальной значимости?

– Конечно, еще в первый день.

– И какую цифру он показывает?

Марк вновь посмотрел на журналистку с овальными очками. Ухмылка так и застыла на ее лице. Вот только улыбалась она как-то неискренне.

– Я тут недолго еще, но, как понял, эта информация достаточно личного характера, и ее не принято раскрывать, – сказал он и увидел, что ответом она осталась довольна.

– И все же? Ниже четырех или выше?

– И все же, давайте, не будем.

– Скажите, Марк, вас не пугает, что прошлое так далеко теперь?

– Конечно, пугает, но я мало что могу. Только пробовать этот дейдрим.

– В какое воспоминание вы бы хотели вернуться?

Марк открыл рот для ответа, но вдумался в сам вопрос не сразу. Вернуться. Самые ценные моменты в жизни? Период детства? Юности? Студенчества? Любой, ведь там живы все, кого он знал. Отвечать он не стал, пропало всякое желание. Захотелось выйти. Вздохнуть глубже и закурить. Увидев, как Марк замешкал с ответом, его куратор тут же вмешался:

– Так, давайте на сегодня закончим? – сказал он, подталкивая его, положив руку на плечо.

– Еще пару вопросов.

– Все вопросы и предложения теперь в директ. А сейчас извините, мы торопимся.

– Куда вы уезжаете?

– Марк? Марк? вы планируете остаться в Москве или же улетите в другой город?

Пока вопросы сыпались, они прорвались сквозь уже образовавшуюся толпу и выскользнули за двери центра в город с остатками вечернего летнего солнца.

– Эй, парень, ты что поник? Нормально? – Пир похлопал Марка по спине.

– Да как-то вопрос этот про воспоминание немного выбил.

– Понимаю. Пошли быстрее. Авто ждет.

– Мы на машине?

– Да. Надо доехать до аэровокзала. И быстро, пока эти журналисты не привязались вновь. Они могут.

Пока они шли до припаркованного в ста метрах автомобиля, над ними еще кружили квадрокоптеры. А потом резко вильнули и ушли вверх. Впервые с момента выхода из анабиоза Марк оказался за пределами здания. Вид автомобилей сразу бросился в глаза. Они стали меньше и другой формы, совсем не те, которые когда-то ездили по дорогам XXI века. Мимо проносились трехколесные машины, а иногда даже на двух колесах. Последние походили на мотоциклы с закрытыми корпусом и крышей. Марку оставалось только гадать, как они держат равновесие и не падают, когда останавливаются. Такие машины были предназначены на двух или трех пассажиров и выглядели весьма странно на широких дорогах.

Их автомобиль был трехколесный с круглой кабиной и огромным лобовым стеклом, переходящим на часть крыши. Двери у него открывались, не распахиваясь в стороны, а отодвигаясь в бок. Колесо у машины не имело воздушной подушки – не было привычных резиновых шин и покрышек. Больше походило на кольчугу – сплетение мелких звеньев из непонятного материала, формирующих круг. Любой предмет, который способен проколоть обычную покрышку, будь то гвоздь или летящая пуля, спокойно прошел бы через такое звено или же застрянет, не причинив вреда. При этом сохранялась вся упругость обычного колеса.

Пир сел за руль с левой стороны, Марк разместился рядом. Машина была треугольной формы с двумя дверьми и вмещала пять человек – двух спереди, трех сзади.

– Нравится тачка?

– Твоя?

– Нет, мы же улетаем. Прокатная. Моя стоит на парковке.

– У нее тоже три колеса?

– Нет, – тот усмехнулся, – два, а что?

– Я привык к четырём.

– А такие тоже есть. В основном это грузовые авто, работающие на бензине, предназначенные для дальних перевозок. Вот городские индивидуальные машины маленькие, чтобы их больше вмещалось на дорогах.

– На бензине? – переспросил Марк, – а эта на чем?

– Электричество. Мотор высокой мощности, может и до девяноста километров в час ездить.

– Правда? Прямо, батарея? И как часто заряжать? Или как там?

– Заряжать, да. Смотря, как и сколько ездить. Если выезжать из города, то на автономную работу энергии хватить часа на четыре при шестидесяти километрах. Потом либо менять батарею, либо заряжать. Там учесть нужно и прочее...

– А в городе, чем отличается?

– Так как же... А... – Пир снисходительно улыбнулся, – забываю я, что срок-то у тебя большой. Города, парень, снабжены кинетическими дорогами.

– Эм... какими?

– Ну, это физика? Знаешь?

– Учил... лет сто шестьдесят назад.

– Ну, да. Короче, эти дороги позволяют сохранять энергию. Мы движемся по такой дороге, отдавая энергию. Кинетические дороги ловят ее и передают обратно объектам.

– Типа заряжаемся от нее?

– Типа да. Это не вечный двигатель, но так как на дорогах множество машин, отдающих и берущих энергию в разной степени, можно очень долго ездить по ним, не заправляясь. Это очень удобно и экономично. Многие освещение в городах работает по таким же принципам. Даже пешеходные дороги. Люди идут – фонари горят, витрины светятся. И коммуникатор у тебя на руке тоже заряжается во многих местах.

– Беспроводная передача энергии?

– Провода остались в твоём веке, парень. У нас же ничто ни к чему не привязано. Кроме электросетей с высокими мощностями, там без кабеля никуда.

Марк только кивнул на его реплику и отвернулся к окну, чтобы еще раз взглянуть на просторы города. Теперь он не казался ему таким уж привычным, как в первые минуты. С каждым новым взглядом ему бросались незнакомые детали чужого урбана. Потoki транспорта были привычны, но автомобили резали глаз поодиночке. Громады зданий не выделялись из общей картины, но каждое индивидуально являло собой незнакомую архитектуру. Какие-то округлые и овальные, вытянутые высоко вверх, без единой выпуклости. Многие высотки были снабжены солнечными батареями, которые издали напоминали чешую. Даже дорожные знаки теперь другие и что они означали, Марк не имел никакого понятия. А люди наоборот – сплошь одинаковые. Сколько бы он не всматривался в редких прохожих, не сразу удавалось определить пол и возраст. Дело было в лицах. В их похожих глазах, губах, носах и ртах. Внимательно посмотрев на Пира за рулем, Марк разглядел черты косметики на его скулах. С каких пор мужчины стали краситься? Подводить глаза, наносить себе тональные кремы?

– Все в норме? – спросил тот, уловив на себе взгляд.

– Кажется. Все не могу выкинуть интервью из головы.

– Брось, просто затянись и медленно выдохни.

– Можно прямо в машине?

– А почему нет?

Какое-то время они ехали, молча, пока Марк не спеша потягивал пар из электросигары. Под его раздумья они выехали за город, немного прибавив скорость. И в голове у него промелькнула мысль, что он не успел поглазеть на Москву. Надо было сказать Пире, чтобы хоть

на Красную площадь завез. Хотя он не был уверен, что она все еще существовала. Спрашивать про это не хотелось. Маленькие машинки сменились огромными грузовыми авто, которые лихо обгоняли их на большой скорости. Высотки исчезли, кругом стали проплывать бетонные аккуратные заборы, вперемешку с деревьями и строениями в пять этажей. И конечно же линии ветро над ними.

– Нам не повезло. Семь аэро... аэровокзалов, – Пир сделал на этом акцент, – и все в черте города. Наш рейс в новом, восьмом, а он пока немного отдален.

– Семь? Ничего себе. Кажется, когда меня закрывали, было куда меньше.

– Время идет, как ты мог заметить. Сейчас их восемь. Три международных и пять в пределах страны. Думаешь, почему я сел за руль? Потому что в Лаврово быстрее на машине, чем на общем транспорте.

– Куда? В Лаврово? – переспросил Марк, делая ударение на первую о.

– Название нашего аэровокзала. На машине быстрее, так как ветроллы еще туда не подвели, но активно строят.

– Так на этой сильно не разгонишься же? Десяносто – предел?

Пир посмотрел на него с азартом во взгляде:

– Тоже любишь быстро погонять, да, парень?

– Не то что бы. Но по трассе за сотню можно.

– Я вот любитель. Поэтому и купил себе Virgin Flesh 2S.

– Что купил?

– Ну, ту тачку, что в гараже у меня осталась. Моя.

– Это, которая двухколесная?

– Да. Гоняет на бензине и на электро. Крутая. Можно и под двести пятьдесят выжать на таких вот дорогах, если на бензине. Были бы на ней, эти грузы только на задний горизонт уходили бы.

– Значит ты гонщик, Пир. Молодец.

– Так, если надо выпустить пар.

– Дорогая, наверное, машина получилась. Ты ее за деньги взял или этот... как его... СР-кейс твой позволяет?

– Пришлось пересмотреть его, – куратор закивал, посматривая в зеркало заднего вида, – ждал пару дней одобрения на приобретение. Затем добавлялись пункты на обслуживание. Кое от чего пришлось отказаться. Но в целом, да, СР-кейс позволил.

– И не боишься по нашим дорогам?

– А что с ними?

Повисла пауза.

– Теперь в России ровные дороги, да? И машины хорошие? – Марк ухмыльнулся, оценив плавный ход автомобиля.

– А когда-то было по-другому?

– Было, не слышал? В России две беды – дураки и дороги. Так было всегда.

Пир немного сдвинул брови и скривил уголок рта. Видимо не знал, как реагировать на его слова. Марк выпустил очередную порцию пара, которая тут же улетучилась через открытый верхний люк.

Вся дорога заняла чуть больше получаса. Они выехали к овальному стеклянному зданию, часть панелей которого светились рекламой и объявлениями. Со стороны оно напоминало круглый пирог или хлебный каравай. Вокруг стояло много машин, и всюду крутились люди в синей форме. На ППК стали приходить уведомления о номере рейса, месте и времени. А также куча другой информации о полете, которую, как правило, люди игнорируют. Пир пояснил, что это предрегистрация и теперь достаточно будет приложить свой ППК к нужному терминалу, чтобы пройти регистрацию и направится прямоиком на посадку.

Вход в аэровокзал был один, но достаточно большой с десятью раздвижными стеклянными дверями. За свою жизнь Марк летал всего лишь два раза, но прекрасно помнил рамки металлоискателей на входе и множество полицейских для досмотра. Сейчас такого не было. У самого входа над головой поднялись два квадрокоптера, которые отсканировали их с ног до головы прежде, чем двери распахнулись. Вещей ни у кого собой не было. Из личного у Марка лишь подаренная сигара в кармане, у Пира же небольшой рюкзак, лямки которого автоматически подтянулись, когда тот его надел. Несколько десятков терминалов регистрации находились сразу после входа в здание. Располагались они в метре друг от друга ровным забором, и к каждому стояло по пять-семь человек. Очередь двигалась быстро. Марк встал за Пиром, наблюдая за его действиями. Когда настала пора, он прислонил свой коммуникатор в специально отведенное на терминале место. Послышался тихий звук и Пир шагнул в сторону.

– Тебе нужно точно так же, – сказал он.

Марк повторил все в точности. Появился зеленый свет, разрешающий проход. В ППК что-то пикнуло – сообщение об успешной регистрации с номером рейса и навигацией движения. Зеленая полоса на плане аэровокзала указывала, куда и в каком направлении нужно идти, чтобы выйти к самолету. Куратор потащил Марка через весь зал ожидания, поглядывая на коммуникатор.

Здесь не было человека, проверяющего и пускающего на борт. Вместо него вновь считывающий датчик. Это был последний пункт проверки перед посадкой в самолет. Но Марку он вовсе показался летающей тарелкой. Он увидел овальный объект с маленькими крыльями и небольшим хвостом, которые выглядели невзрачно и даже нелепо. А четыре толстых шасси, на которых располагался белый блин, вовсе делали его похожим на луноход.

– И на этом мы полетим?

– Ну, да, а что смущает?

– Просто привык видеть другие самолеты, такие цилиндры с огромными крыльями.

– А-а, это те, которые еще разгонялись для взлета? – улыбнулся Пир.

– Разгонялись? Ну, да, разгонялись. А этот что, нет?

– Таких уже лет пятьдесят нет. А этот да, не разгоняется. У него вертикальный взлет.

– Как у вертолета?

– Типа как у вертолета, – куратор заулыбался шире.

– Что, их теперь тоже нет?

– Есть, с малыми двигателями и не так распространены. Такой конструкции в основном дроны.

– Понятно. А зачем нашему самолету такие здоровые колеса? Как вездеход.

– Угадал, парень, для этого и нужны. Он может приземлиться хоть где, почти на любой местности, а после двигаться по земле. На случай экстренных ситуаций. Что-то типа того.

Внутри самолет тоже отличался. Привычного Марку салона с несколькими рядами и бизнес-классом теперь не было. Вместо этого на борту находились купе от двух до восьми мест. Каждое кресло оборудовано столиком и при нажатии кнопки превращалось в кушетку, на которой можно было вытянуться во весь рост. По желанию их можно было даже развернуть, чтобы сидеть друг к другу лицом. Что не изменилось – так это туалеты в начале и конце салона.

В купе на четверых они пришли первыми. Как только сели в кресла, Пир начал рассказывать про достижения современного авиатранспорта на примере их лайнера. Так Марк узнал, что эта посуда имеет два пассажирских этажа, вмещает до двухсот человек и летает практически 1500 километров в час.

– Приличная скорость у него, – искренне удивился он, – это за сколько мы долетим?

– Немного дольше двух часов. А что? Долго?

– Наоборот. Раньше четыре с половиной часа летали такие расстояния.

– Ну, парень, – протянул куратор, – а еще раньше на лошадях месяцами скакали. Сравнил.

– А разница во времени все еще осталась четыре часа? Или теперь нет часовых поясов?

– Есть, Марк, куда без них. Все так же, как и в прошлом веке. Восток встречает день раньше всех.

Появились двое мужчин, прервав их разговор. Оба высоких, худых, в похожих одеждах черного цвета, напоминающих классический костюм. Оба с окантованной головой. Один из них слегка кивнул, после чего они поспешили занять оставшиеся два кресла впереди.

– Жалко, что покупали билеты в последний момент, не осталось билетов на купе на двоих, – тихо пробубнил Пир, – не люблю летать большой компанией.

– Это ты не летал на наших самолетах, – очередь улыбаться настала Марка.

Они замолчали. Лайнер начал готовиться к взлету. Бортпроводники не проводили здесь инструктаж, вся информация тут же пришла на ППК. Взлетели быстро и плавно, просто отодравшись от земли, как и говорил Пир. Марк сидел у иллюминатора и наблюдал, как поверхность земли проваливается вниз довольно быстро. Появились облака. Затем словно секундное замирание в воздухе, и резкий толчок, заставивший немного вжаться в кресло. На Марка накатило легкое ощущение дискомфорта, но тут же исчезло.

Коммуникатор вновь пикнул и высветил предложения с едой и напитками. Пира сбросил это, как спам и Марк уподобился его примеру. Через минуту в их купе появился бортпроводник. Девушка принесла заказ для двух мужчин – квадратные серые коробочки, очевидно с едой. Ему бросились в глаза черты ее лица. Узкий рот с алыми губами, миниатюрный нос, контрастно подведенные глаза под широким лбом. Овал лица обрамляли длинные тонкие светлые волосы. Девушка выглядела очень высокой в темно-синей форме экипажа. В его голову тут же влез другой образ – чье имя он до сих пор старался не вспоминать. Алина. Все воспоминания о ней вызывали укол боли и приток адреналина. А в голове поочередно всплывало два события: квартирная вечеринка друзей и зал суда после вынесения приговора. Собравшись с духом, Марк погнал мысли прочь. И они ушли, как только девушка, одарив всех искусственной улыбкой, скрылась за пределами купе.

Он тяжело выдохнул и попытался освободиться от ненужных мыслей. До него начали доноситься обрывки разговора мужчин впереди. Чтобы хоть как-то отогнать от себя наваждение, Марк стал прислушиваться. Один из них бурно рассказывал о недавно проведенном дне рождения в кругу старых друзей. Взмахи его рук периодически были видны из-за спинки кресла. Второй же был спокойнее и умеренно вставлял фразы в ответ.

– Мы так классно зажгли в том ресторане, ты не согласишься! Собрались абсолютно все, можешь представить? Все! Вы хоть раз собирались полным составом?

– Наверное, нет, – отвечал второй голосом человека, не разделяющего восторга.

– Вот и мы до этого нет. Лет сто не видел всех!

– Много пили?

– Да! Так, что я даже всего не помню.

– Дейдрим тебе поможет.

– Поможет. Я даже хочу включить это в проекционный лист!

– Серьезно? Тебе настолько там понравилось? Будешь вспоминать, как накидывались всю ночь?

– Да ты чего? Там ведь все мои были, я тебе говорю! У меня с ними всего два нормальных воспоминания было. И то детства больше. С некоторыми еще профильная школа, но там еще меньше.

– Ты если каждое событие будешь в лист пихать, только на него работать и сможешь.

– Пока еще могу позволить.

– У тебя большой список?

– Где-то пятьдесят воспоминаний. Прямо знаковых таких.

– Ого! И как? Поди кейс твой часто пересматривали на работе?

– Пару раз точно. Думаю, еще одно посещение в месяц я могу выбить. Жаль, что чаще раза в неделю нельзя. Сказали, что вредно. Хотя у меня коллега – ему медцентр разрешил семь посещений в месяц. И ничего.

– Так пройди тесты заново?

– Да, надо будет. Мы там так зажгли, что теперь можно больше такое и не повторять, моделирования хватит.

Марк не все понимал из разговора, а потому не стал долго вслушиваться в их речь. Он отвернулся к иллюминатору, стал смотреть в вечернее небо и сон сморил его. А открыл глаза лишь после того, как куратор сильно потряс его за плечо.

– Хей! Мы идем на посадку, – сообщил тот, – ты крепко вырубился, укачало?

– Вроде нет. Прилетели?

– Через пару минут сядем, говорю. Ладно. Доспишь уже в своих апартаментах. После аэровокзала напрямик туда. Мне самому нужно заселиться, а еще тебе все показывать.

Очертания огромного города были скрыты под летней ночью. Перед глазами Марка проносились лишь множество огней и широких полос дорог. Лайнер садился так же вертикально, как и взлетал. Никакой тряски и перегрузок, легкий толчок, когда шасси коснулись земли и полет был завершен.

Пока Марк был заморожен приземлением, Пир по ППК арендовал им автомобиль, отчитался перед начальством и теперь пролистывал какие-то документы на коммуникаторе.

– Апартаменты нам выделили в центре левого берега, – сказал он, когда тот повернулся к нему.

На Марка навяли воспоминания о городе, который он знал когда-то. Новосибирск был разделен широкой рекой Обью, и жители города относили его районы к левому и правому берегам. Центр левого берега всегда ассоциировался у Марка с единственной площадью – Маркса. Сейчас он не был уверен, что все состояло именно так, как он помнил. Куратор не знал ответов на его вопросы о городе. Не ответив на очередной, Пир посоветовал просто найти всю нужную информацию через коммуникатор.

Арендованный автомобиль стоял на парковке в метрах ста от здания аэровокзала.

– Красавец, как я и хотел, – потер руками Пир, глядя на черный поблескивающий автомобиль, формы цилиндра, вытянутого коромыслом, – TENDA S15, двухдверный. Крутая штука. Очень маневренный.

Машина больше походила на мотоцикл с крышей с той лишь разницей, что у мотоциклов не было дверей. Четыре колеса попарно стояли очень близко друг к другу, создавая вид двухколесного транспорта. Но по-настоящему два в ней было только сидения: водительское впереди и пассажирское за ним.

– А откуда она тут взялась?

– Сервис, парень! Я заказал и мне пригнали в нужное время, в нужное место. Командировочный пакет, расходы включены.

– Удобно. А как мы ее откроем?

Тот побил указательным пальцем по своему ППК:

– Как и обычно, – он прислонил к двери машины коммуникатор, и та щелкнула, – открыто.

– Нда-а, мне становится трудно представлять людей в вашем мире без этого.

– Так их и нет... практически.

Они сели в машину и Пир с легкостью стал выруливать на дорогу, восторгаясь выбранным авто. Марк не разделял его радости, по его мнению, было тесновато.

– А скажи мне, Пир, что это за аэропорт? Аэровокзал...

– Толмачево.

– Правда? Не путаешь?

– Нет. Почему ты сомневаешься?

– Потому что мы приземлились в черте города. Раньше он был за городом... – тот осекся, – это что, хочешь сказать, что Новосибирск так вымахал?

– Ну, я его сто пятьдесят лет назад не видел, парень, но за такое время города сильно вырастают. Обычно мегаполисы имеют по четыре или пять аэровокзалов. Новосибирская агломерация большая – третья в стране. Я же говорю, вся информация у тебя на руке – можешь посмотреть.

Сидя в машине, Марку так и не удалось узнать какие-либо места. Во-первых, куратор очень быстро гнал, по дороге, во-вторых, была ночь. А в-третьих, за полтора века все дома и дороги, которые формировали знакомые ему районы, претерпели перестройку и вовсе перестали существовать. Что-то ему подсказывало, что от тогдашнего города осталось только название, да еще парочка мест, как площадь Маркса или Станиславского. И в скором времени он это выяснит. Через полчаса они подъехали к светящемуся тридцатипятиэтажному зданию, стоящему среди кучно построенных подобных высоток. Там Марку и предстояло жить первое время. На фасаде высвечивалась огромная реклама – молодая девушка надевала на голову подобие шлема и закрывала глаза, после чего появлялась надпись: «ГРЕЗА. БУДУЩЕЕ МОМЕНТАМИ ПРОШЛОГО».

V

– Чего застыл? Пошли внутрь, – Пир тронул его за плечо.

Вестибюль был светлым и просторным. Белые стены с растениями в нишах. Слева несколько округлых диванчиков и кресел – холл, как место ожидания, справа небольшое окошко, из которого торчала голова женщины с блестящей диадемой нейронера. Пир начал разговор, затем что-то перенаправил со своего ППК на ее. После поставил электронную подпись на вытянутом планшете и получил в руки две ID-карты.

– Это твоя, – он протянул Марку одну, – ключи от апартаментов. Двенадцатый этаж. Можешь сконектить ее с коммуникатором, чтобы им двери открывать, но по безопасности не рекомендуют. Лучше носить физическую ключ-карту, вдруг ППК сломается или еще что.

Один из шести лифтов доставил их в холл двенадцатого этажа. Широкие коридоры, несколько разделительных дверей. Мягкий пол и такая же зелень в ячейках стен. Единственное, что было Марку не понятно, почему в таких длинных коридорах, так мало дверей квартир.

– Пришли. Номер восемьсот восемь.

– Так и что?

– Ну, ты можешь позвонить, конечно, – усмехнулся Пир, – но лучше открой. Это я зачем тебе дал?

Марк прислонил к дисплею у двери карту, затем ввел продиктованный куратором код, который потом надо было сменить и загрузить в систему свои отпечатки пальцев, чтобы в следующий раз она запрашивала и их. Послышался звук, напоминающий звон пустого стакана от удара металлической ложечкой. Это открылся магнитный замок двери.

Первое, что бросилось в глаза – пустота помещения, а уже потом серый цвет стен и потолка. Они стояли в небольшой прихожей. Столик был по правую руку, дверца встроенного шкафа – по левую. Прямо были еще две комнаты: левая дверь – кухня, правая спальня. Между этими проемами ровно посередине стены висел большой черный монитор, имитирующий зеркало. Им оказался стационарный персональный коммуникатор – СПК. Теперь такие были в любом жилище и располагались практически в каждой комнате. Через него нынешние люди вели всю бытовую жизнь: совершали покупки, получали информацию, общались и управляли домовыми системами – задавали настройки жизни. СПК совмещал в себе функции компьютера и телевизора и дублировал возможности коммуникатора на руке. Все, что мог сделать человек на СПК, он мог сделать на ППК у себя на руке, находясь удаленно. Это было единственным отличием двух устройств.

Квартира, или как теперь принято называть, апартаменты были оснащены системой умного дома «Вижен». Ею являлся практически искусственный интеллект, который мог и стены перекрасить, и воду в смесителе подогреть. Пир пояснил, что жилье относится к категории «F», которая редко предусматривает данную систему, но в случае Марка было сделано исключение.

За сто пятьдесят лет понятие быта поменялись. Например, вместо привычной кухни, где стояла плита, духовка, холодильник, микроволновка и прочая техника, всю боковую стену занимал так называемый кухонный комбайн. Это машина с множеством застекленных отсеков и огромным табло. Управлялась она либо «Вижен», либо с СПК, либо с ППК на руке. А умела эта машина многое: хранила продукты, готовила еду, мыла посуду. Присмотревшись внимательно, можно было увидеть три больших отделения: для жидкостей, откуда комбайн выдавал от простого стакана воды, до свежавыжатого сока или смузи; большой конвейер готовки, за толстым стеклом которого виднелись несколько кибернетических рук и вращающаяся панель; а также загрузочный отдел, в который помещались продукты. Внизу на уровне ног тоже были отделы. В них закладывалась химия, копился мусор, загружалась чистая посуда. А в верхних

ярусах оказались привычные кухонные шкафчики для хранения не загружаемой еды, специй и столовых приборов, а также маленький холодильник. Как сказал куратор: «На всякий случай».

Кроме кухонного комбайна и зеркала ППК на современной кухне не было ничего. Всю мебель теперь было модно встраивать. Все, что можно вытащить, выдвинуть или откинуть, находилось внутри стен и освобождалось легким движением руки. Пир шагнул в бок и у самой двери на стене дотронулся до цифровой панели, которую вначале Марк принял за обычный выключатель. Прямоугольная часть стены отделилась и стала опускаться. Это оказался откидной стол, занявший половину свободного пространства комнаты. После чего под ним из образовавшегося проема плавно выдвинулся стул. И это бы не один, а четыре металлических стула с мягкой темно-серой подушкой, укомплектованные друг на друга.

Ванная комната тоже претерпела изменения. Называлась она теперь гигрум – от слов гигиена и английского room – комната. Выглядела она так же странно, как и называлась. Небольшое помещение два на два метра с ровными белыми стенами. Идея заключалась в том, что комната могла трансформироваться в душевую кабину или в ванную. Достаточно нажать пару кнопок на панели, как из стен начинали выдвигаться стеклянные перегородки, образуя куб, который тут же заполнялся водой. Можно было организовать простой душ на всю площадь, либо целиком заполнить гигрум. Особенно Марку понравилась функция массажного душа, когда различные струи били прямо из стен. Раковина здесь тоже оказалась выдвижной, а стены становились зеркальными. Тут могли включиться потоки воздуха для сушки тела и вентиляции помещения, либо выдвинуться полки с полотенцами или тюбиками личной гигиены. Целый творческий подход к водным процедурам.

Рядом с гигрумом находилось помещение санблока. В нем кроме туалета была еще и прачечная. Спустя полтора века человечество по-прежнему пользовалось унитазами. Они тоже выдвигались из стен по необходимости, имели разные формы, цвета и размеры, но к ним добавилась новая функция – туалетный фонтан. Когда Марк понял, что данное изобретение практически заменило простую туалетную бумагу, он залился смехом, чем ввел Пира в изумленный ступор. Рука современного человека теперь тянулась не к рулону, а к кнопке включения туалетной струйки, нажимая нужное количество раз. К этой мысли стоило привыкнуть.

Встроенная автоматическая прачечная так же стала необычной для Марка. Это тоже своего рода конвейер, занимавший большую часть санблока и по размеру, не уступавший кухонному собрату. Он мог чистить, стирать, сушить, гладить. Даже зашивать в одежде небольшие дырочки и повреждения, если в нем была установлена дополнительная комплектация. В ушедшем XXI веке человек просто закидывал грязную одежду в барабан стиральной машины и нажимал на кнопку. В современном мире к ее уходу относились с большим вниманием. Вся приличная одежда имела особую бирку, которая сканировалась прачечной системой. Определялся состав ткани, подбиралась программа стирки и дальнейшей обработки. Затем одежда размещалась на определенных вешалках в специальных секциях, и машина определяла степень загрязнения. Температуру воды, время, способ очистки, глажка, отпаривание и прочее можно было регулировать самостоятельно. Установленные портные модификации требовали обеспечить машине нужные материалы – определенные нити, ткани и тому подобное. Чтобы пользоваться такой машиной, люди покупали специальную марку одежды.

Последним, что Марк запомнил из экскурсии по квартире – самоочищающийся пол. Он был поделен на квадратные плитки, похожие на кафельные. В кухонной зоне, гигруме и прачечной они были гладкими, что только увеличивало сходство. А в комнате мягкие, словно ковер. Внизу под таким полом установлена система из валиков, щеток и пылесосов. Плиты просто переворачивались, после чего производилась либо влажная, либо сухая уборка перевернутого сектора. Глядя на это, Марк догадался, почему в помещении так мало мебели, касающейся пола.

Какое-то время Пир еще пытался впихнуть подробности и тонкости быта в свой рассказ, но быстро заметил во взгляде Марка полное отрешение. Мозг парня кипел и явно не воспринимал такой объем информации. Потому куратор решил ретироваться в свои апартаменты, находящиеся на этаже выше, что обрадовало его подопечного. Марка переполняла усталость и желание закурить. Сделав последнее, он прошел в комнату и потянул на себя сложенную в стене кровать. Та мягко опустилось перед ним, не издав ни единого звука. Тут не было классического одеяла или подушки в его понимании. Постель напоминала желеобразный кокон, в который нужно погружаться. Избавившись от основной одежды, Марк поспешил опробовать новый вид спального места. Пока пробирался внутрь, сложилось четкое впечатление водного матраса. Как только оказался внутри, субстанция плавно облепила тело, накрыв его. При первом шевелении, стенки кокона расширялись, и человек мог беспрепятственно перевернуться на другой бок. Когда движение прекращалось – вновь смыкались. Не смотря на сумбур в голове и избыток эмоций, Марк уснул быстро.

Система «Вижен» разбудила его в девять утра, включив странную мелодию электро. Марк открыл глаза в полном недоумении. Как только он выбрался из кокона, звук прекратился. Постояв с минуту в легком трансе, вспоминая, что это за место, он решил выйти на балкон – благо это понятие не исчезло из мира. Ему очень нравились балконы. Была в них особая нотка философии. Когда человек мог спокойно выйти, закурить, посмотреть вниз, а может даже и плюнуть или отправить окурок под окна. Такое чувство обычно рождается ночью, но сейчас начинался день, который позволял впиться глазами в высокий и незнакомый Новосибирск. Этот город когда-то был родным Марку. Почти десять лет жизни он провел, живя в районе, где находился сейчас. Но теперь все выглядело иначе. В отличие от Москвы, в которой в первый раз он не увидел существенных отличий, потому что никогда в ней не был, Новосибирск резал глаз своими изменениями. Город стал намного выше и в горизонте. Куда бы он не посмотрел, всюду виднелись каскады зеркальных высоток, от которых тянулись по несколько ветролиний. Такие здания являлись солнечными батареями – отапливали и освещали город. Сами по себе они были темными, практически не отражающими солнечных лучей. Всюду мелькали тени, кажущиеся птичьими. Это от здания к зданию проносились дроны разных форм, размеров и цветов. Внизу очень быстро двигались люди на странного вида самокатах, скейтах и роликах. Они действовали на Марка словно гипноз. «Двенадцатый этаж?» – вспомнил он слова Пира, и в его памяти возникла картина свежего, на его взгляд, воспоминания. Маленькая кухня с балконом. Музыка в соседней комнате, вечеринка в квартире. Он со своей девушкой Алиной вышли подышать вечерним воздухом. Она в тот день сторонилась любого алкоголя, даже любимого красного вина. Он же выпил банку пива. Пара из мало приятных ему людей зашла чуть позже. Они были уже пьяны, обжимались, целовались и никого не замечали. Он – типичный мажор, из тех, кому с детства родители позволяли все и воспитывали в нем короля мира. Она – фифа со стандартным набором истерик. Из тех людей, которые сначала кричат что ненавидят, а через минуту рыдают от сильной любви. Вот они оба здесь и демонстрируют свои отношения.

Стоя сейчас и глядя вниз, Марк затаился и выпустил клубы пара. «Что могло быть не так?» – подумал он с грустной улыбкой. Но все его мысли прервал звонок на коммуникатор. Это был Пир, готовый к новому дню. Марку предстояло еще много узнать об изменившейся повседневной жизни. Потому его куратор был готов прийти уже через несколько минут, после звонка. Отключившись, Марк обнаружил полтора десятка уведомлений в своем профиле. Заявки на добавления в контактный список, реклама и часть личных сообщений. Вчерашнее интервью дало свои плоды. Люди, узнав о нем, нашли его в ВИС и теперь жаждали общения. Тут были и журналисты, мечтающие о новой встрече, и предложения сняться в роликах блогеров, выступить на разных каналах ВИС. Когда пришел Пир, Марк сразу показал ему часть сообщений. Вначале тот внимательно изучал каждое с мрачным видом, после заметно повеселел и вынес вердикт:

– Всякий шлак, но, может, тебе повезет, и предложат какую-нибудь работу за счет твоего пиара старейшего жителя. Хотя я бы, парень, не сильно на это рассчитывал.

Никто из них еще не завтракал этим утром. В кухонном комбайне не было загружено продуктов, поэтому первым делом они заказали еду – самый популярный сервис современного времени.

– Я искал местные сервисы по еде, – сказал Пир, глядя в свой ППК, – доставляют неплохо, быстро. Ты сильно голоден? Я умираю просто.

– Не особо.

– Кофе будешь?

– Нет, не пью его.

– Чай? Соки, вода?

– Давай чай. Черный и с молоком.

– Так... молоко... есть. В общем, я заказал классику – две пиццы «РИО», не знаю, не стал читать состав сильно, мясо есть в ней. Тебе чай, себе фреш, и десерты – замороженные фрукты. В твоём времени была пицца же? Знаешь, что это?

Марк не сдержал ироничной усмешки:

– Думаешь, в двадцать первом веке мы не знали, что такое пицца?

– Я слабо представляю, что и когда было, если честно.

– Мне кажется, что пицца была всегда.

Пока Пир формировал заказ, рассказал, что курьерская работа процветала с каждым годом, а люди стремились получать дистанционно абсолютно любые услуги. Доставка готовой еды стала теперь такой же нормой, как когда-то ставить чайник по утрам. С развитием технологий передачи данных и ее обработки, люди старались экономить время практически на всем. Документы стали полностью электронными, бюрократия переместилась в сеть и все ее процессы стали в сотни раз быстрее, сформировав в обществе новые, цифровые ценности.

Заказ доставили за двадцать минут. «Вижен» оповестил Марка уведомлением на ППК. Никаких звонков в дверь от курьера, хотя, приносил именно он, а не дрон или пневмопочта, чему бы Марк не удивился. Рядом с дверью апартаментов располагалась почтовая кладовая, как назвал ее Пир. Ниша в стене, шириной метр на метр, в которую доставлялись вещи жильцам. Там были и полки, и контейнеры. Такая ячейка тоже имела дверь, но замаскированную под интерьер стены. Курьер открывал ее при помощи своего ППК. Делая заявку, человек давал право на разовое ее открытие. Все данные о том, кто, кому и когда делал заказ, всегда сохранялись в базе. Благодаря таким данным незаконная деятельность, как кража, проникновение и тому подобное, была практически исключена в этой области. Организации дорожили своей репутацией, как и люди, которым предоставлялась работа у них.

Весь заказ поместился в одной серой коробке, в которой оказался небольшой кейс-охладитель, держащий температуру – подобие короба из фольги. Пицца в стандартной квадратной коробке и тоже в блестящем материале. А напитки упакованы по-разному. Чай Марка в пол-литровом стакане, холодным на ощупь. Это оказался не то пластик, не то фарфор – с первого раза понять было трудно. Никаких эмблем на нем или коробках. Просто серый цвет и белая крышка. Открыв ее, он понял, что напиток горячий. Настолько этот материал не был теплопроводным. Фреш Пира был в обычной бутылке в 0,7 мл. Выглядела, как простая газировка.

Завтракали на кухне в полной тишине, наслаждаясь вкусом. После того, как с едой было покончено, нужно было разобраться с мусором. Марк понял, что не знал, как это сделать.

– Что ищешь? – весело спросил куратор, глядя, как тот пытается найти мусорный бак или ведро.

– Хочу выбросить, только не понимаю как.

– Просто так не выбрасывается. Сортировочный бункер находится в конце коридора на этаже. Пойдем.

Сортировочный бункер представлял собой приличного размера помещение с множеством ячеек в стене с разными надписями и номерами. По ним люди сортировали пластиковые отходы, бумагу, металл, стекло и прочее. Если человек не понимал, из какого материала выбрасываемый предмет, то мог идентифицировать его, поднеся к специальному сканеру на стене. Но это было редко, так как на большинстве предметов указан тип материала и его вид. Вторичное или первичное использование и еще куча другой информации. Если предмет был настолько велик, что не помещался в отсек, то на него в два клика по ППК оставлялась заявка. Тогда специальная служба приезжала и забирала его. Система была настолько отлажена, что вызвала у Марка настоящий восторг.

– А как вы раньше утилизировали? – спросил Пир, глядя на его реакцию.

– Просто брали мусорный пакет, все сгребали и выносили в мусоропровод. Либо в баки на улицу.

– А переработка?

– Ее почти не было, лишь малая часть мусора шла туда.

– Это как раз, наверное, то время, когда человечество копило горы мусора, пыталось сжечь, но в итоге только загрязняло окружающую среду. Ты из дикого времени, парень.

– Тебе виднее.

– Удивительно, как вы жили.

– А мне удивительно, как люди все-таки смогли прийти к этому. Научились сортировать и перерабатывать, а не бросать себе под ноги.

– А как только стали получать от этого выгоду. За каждую утилизацию вот так люди получают различные бонусы во всяких сферах услуг. А иногда и деньги. Правда, зависит от того, что за мусор, где ты его сдал, какой фирме и еще многое другое.

– Раньше, что-то подобное было в Европе, я слышал. А теперь и у нас. Так теперь что, нет простых урн на улицах?

– Есть. Все не отсортируешь сразу. Все, что не смогли люди – сможет коммунальная служба и мусорный комбинат.

После краткого инструктажа по обработке мусора, настало время изучить маркет-сервисы. За сто пятьдесят лет анабиоза Марка понятие «маркет» видоизменилось. Теперь в это определение входили не только универсальные магазины, но и сферы услуг. Всему этому пристраивались различные категории, в зависимости от классов апартаментов человека, его одежды, оборудования в доме и прочее. Нужен ремонт часов – технический маркет с категорией «С», куда входил ремонт мелкой цифровой и механической техники, а также продажа такого оборудования и запчастей к ней. Нужна куртка? Значит нужно определить тип одежды и для какого оборудования прачечной она предназначена. Всегда искалась подходящая категория маркетов ведь если СР-кейс человека позволял ему иметь определенную категорию оборудования, значит, и посещение обслуживающих маркетов он подразумевал. Чем дороже и элитнее классы чего-либо, тем больше их обслуживание объединено в большом маркетцентре. Например, если человек владел недвижимостью или жилыми апартаментами класса А, то достаточно было посетить один маркетцентр, в котором он смог бы приобрести и мебель, и технику, а также купить специальных продуктов, одежды, чего угодно. И все это, не выходя за пределы одной крыши здания.

Было решено произвести нужные покупки продуктов для кухонного комбайна и одежду для Марка. По СПК они определили ближайшие на районе маркеты нужной категории и вместо простого заказа на дом, они решили сходить в один из них. Подходящий был прямо через дорогу с названием «Оазис». Он представлял многоэтажное здание, на каждом из которых базировалась определенная группа нескольких категорий. Удивительно насколько огромным было здание – люди внутри него тоже передвигались на специальном транспорте. Им служила платформа в центре длинных рекреаций с поручнями и сидениями. Работала она по принципу

горизонтального лифта – достаточно было нажать на кнопку с нужной локацией маркета и она мигом доставляла человека, делая по пути остановки для посадки и высадки других пассажиров. Кроме внутреннего транспорта, это был все тот же огромный торговый центр, какие Марк помнил и в свое время. Здесь можно было покупать все по категориям F, M и R. Эти категории и товары между собой так же подходили и друг другу. Каждый раз, когда речь заходила о категориях и классах, в голове у Марка проскакивала мысль о размерах одежды. Когда, зная букву размера, ты мог купить себе любую вещь практически без примерки. Теперь этот принцип работал для всего.

Продуктовый маркет располагался сразу же на первом этаже. Привычных Марку полок и витрин с товарами не было. Не было видно молочного или хлебного отдела, в которых в изобилии бы лежали различные сорта продукта. Не было огромных висящих баннеров с рекламой. Вместо этого им открылись три коридора с цифровым табло, показывающее категории товаров. А за ними большие витрины-капсулы с множеством ячеек, похожих на кухонный комбайн. Сотрудник центра в серебристом костюме, похожим на фольгу, стоял неподалеку за стойкой служебного СПК. Так теперь выглядели консультанты, чья профессия сейчас все еще была востребована.

– Хей! Помочь вам сориентироваться? – спросил он высоким голосом, когда двое молодых людей подошли к нему.

– Да, хей! Есть вопрос по категории продуктов, – начал Пир, – не знаем категорию техники и не можем выбрать продукты для него.

– Не проблема, – тот кивнул, – нужны данные апартamentов.

– Конечно. Это к нему, – Пир головой указал на Марка, и консультант повернулся в его сторону:

– Так я смогу узнать какое оборудование стоит у вас и направить к нужной категории.

– Не вопрос, – Марк пожал плечами, – как это сделать?

– Я сейчас кину вам запрос, – он стал копаться в своем ППК, – а вы просто сделаете мне свип.

Коммуникатор на руке пикнул новым сообщением. «Маркетцентр «Оазис», идентификация кухонного оборудования. Сотрудник Адан Алеев. Обработка личной информации, поиск данных, разрешение».

Чуть неловко одним пальцем Марк коснулся уведомления на экране ППК и отправил сообщение в сторону консультанта. На его коммуникаторе высветилось сообщение, и тот снисходительно кивнул головой:

– Так. Марк Круглов? Правильно? Ага. Апартаменты «F» номер тринадцать, семьдесят четыре, девяносто один? Правильно?

Тот неуверенно кивнул.

– Так, так... да. У вас стоит комбайн тоже класса «F». Это значит, вам нужно только прямо и по левую от вас сторону будет терминал для выбора нужных продуктов. Ловите это.

Парень сделал обратное движение пальцами, и у Марка высветилась надпись: «Поиск продуктов «f»».

– Свипните терминалу и он уже выдаст список всех доступных у нас продуктов.

– Спасибо, – Пир натянуто улыбнулся, затем потянул Марка вперед. Консультант проводил их оценивающим взглядом.

– Теперь это один из способов общения? – спросил Марк, демонстрируя движения пальцев по ППК.

– Скорее способ мгновенной передачи данных. Формируется запрос, затем сотрудник отправил его. У тебя же на ППК автоматически сформировался документ, который ты и отсылаешь в ответ.

– А если я ему еще что отправлю, то, что ему не нужно, типа адрес свой или еще что? Мало ли чего он там запросил? И почему он смог узнать про оборудование у меня дома, а я не мог?

– Мы просто не знали где смотреть эту инфу. Можно было полазить поизучать, но это скучно, а так вот практика запросов, – куратор улыбнулся, – в конце концов ты же учишься. И да, по поводу лишней инфы – у разных сотрудников есть определенный доступ на определенные запросы, так что лишнее ты бы ему не передал. СПК у него служебный, может принимать только инфу, связанную с профилем и ничего больше. Это безопасно.

За разговорами они подошли к одному из торговых терминалов, который был один в один похож на зеркальный СПК апартаментов. Марк свипнул на него запрос продуктов и тут же получил всю информацию по нему.

– Значит, смотри сюда, – куратор сделал шаг ближе, – ты можешь сформировать корзину и забрать самостоятельно отсюда, либо тебе его доставят прямо к дому. Доставка настолько копеечная услуга, что практически все СР-кейсы даже не воспринимают ее за траты. То есть за получение этой услуги, тебе не будут сокращать пользование другими.

– Да я и сам вроде смогу справиться.

– Можешь, да, но зачем забирать работу у тех, кому она формирует СР-кейс, если для твоего ничего не меняется? Единственное, что это может быть чуть подольше, курьеры могут задерживаться, но не критично.

На это Марк лишь пожал плечами и стал разглядывать предложенный ассортимент, чтобы тут же понять, что практически ничего не узнает. Например, все жидкости хранились в каких-то цилиндрических прозрачных упаковках, похожих на колбы, отличающиеся между собой цветом и этикеткой. Соки, вода, молоко – все было подобным и одного объема – литр. Твердые полуфабрикаты так же находились в одинаковых боксах – плоские, тонкие, но широкие. И градировались несколькими весовыми значениями. Не было привычных палок колбасы или килограмма мяса. Даже фрукты подавались подобным образом. Но не все могло идти в таком стандартизированном виде, некоторые продукты, такие как крупы, человек должен загружать в комбайн сам, в специальный отсек. Здесь лишь выбирался объем, и фасовалась упаковка. Консервированная продукция тоже изменилась – круглых банок не было, все квадратное одного, максимум двух размеров.

Когда все, что было нужно, Марк сформировал и проверил, перед ним возникла кнопка «получить». И тут он осознал, что не видел цену этих продуктов. Он не покупал их, а всего лишь брал, нажав на кнопку. Система затребовала прислонить свой ППК. Раздался слабый сигнал, и на мониторе высветилась надпись: «Марк Круглов. Продукты питания категории «F». Успешно. Осталось: неограниченное количество операций. Лимит СР-кейса истекает через: 30 дней».

Так сообщалось человеку, сколько раз ему еще можно было сделать подобную покупку. Безлимит Марка действовал только на месяц, а потом его должен был обеспечивать СР-кейс работы, которую он найдет. Система считает и предупреждает о том, какие траты совершил человек, что он превысил, а что нет. Если СР-кейсы продолжают выбираться больше контракта, то некоторые услуги вовсе могут быть заблокированы для человека. Исключением являлись лишь два пункта: медицина и продукты питания, хотя и там действовали свои ограничения.

Так Марк познавал мир несколько ближайших дней. Заказывал и пробовал на себе новые сервисы, обеспечил себя одеждой и запасами никотиновых бейлов. Учился пользоваться техникой в апартаментах и управлять «Вижен». К системе умного дома Марк стал относиться как к лучшему другу. Гораздо интереснее о мире было спрашивать ее, чем своего куратора, чего Марк и не стеснялся.

Современная мода показалась ему скучной и однообразной, потому он выбрал максимально знакомые по виду вещи – темные джоггеры, зауженные у лодыжек, с большими карма-

нами у колен и обыкновенные приталенные рубашки, подвернутые длинные рукава которых отличались от основного цвета одежды. На правую руку Марк обзавелся аксессуаром – тонкой серебряной цепочкой на запястье. Подобную он носил до своего заключения, и теперь она помогала чувствовать себя спокойнее.

Изучить город ему никак не удавалось. В нем жило почти 6 миллионов человек. Он держал уверенное 3-е место по численности после Москвы и Питера. Новосибирская агломерация – так звучало официальное название. Слово «агломерация» появилось после объединения малых городов области в единый субъект. Таких городов, переросших из простого города в агломерацию, в стране насчитывалось пять: Московская агломерация, Ленинградская агломерация, Нижегородская, Екатеринбургская и Новосибирская. Остальные крупные города слегка не дотягивали до такого статуса. В прочем, это являлось всего лишь формальностью.

В апартаментах не было привычного телевидения. Все различные каналы теперь существовали исключительно в ВИС как тематические порталы, а роль телевизора все так же брал на себя СПК. Онлайн трансляции пестрили только рекламой того, что можно посмотреть. Захотелось узнать, что творится в мире – порталы, где 24 часа говорят о мировых новостях. Нравится кино – пожалуйста. Все это было похоже на то, как Марк раньше выбирал подписку на какой-либо из спортивных каналов. Или как искал сайт с нужным сериалом в интренете. Теперь это все объединилось и стало входить в пакет связи, оплачивающийся СР-кейсом человека. А вот если такого не было или же этот пункт по каким-то причинам в него не входил, то тогда деньгами, если у человека они имелись.

С каждым днем приходило все больше уведомлений и сообщений от разных незнакомых лиц, жаждущих встречи и иногда с просьбами об интервью. Они мешались с другим спамом о новых сервисах района и местными новостями. СПК заменял людям функции компьютеров и ноутбук, за которыми во времена Марка проводили огромное количество часов.

Как-то в один из дней Марк захотел просветиться современной культурой: узнать, какая существует музыка, фильмы, искусство и прочее. И был неприятно удивлен. Он ожидал обилие музыкальных и танцевальных групп, всевозможные театры, новые виды спорта, но ничего из этого не мелькало у него перед глазами в рекламе на мониторе СПК. Современная мировая музыка оказалась на 80% состоящей из уже ремиксов прошлых лет.

Из спортивных увлечений нового мира остались в сердцах только игровые виды спорта, а вот так же атлетика целиком превратилась лишь в любительский образ жизни – фитнес, бег по утрам и тренажерный зал. Тоже и с велоспортом, с горными лыжами, и автогонками. Больше не было чемпионатов мира или олимпийских игр с этими видами. Все превратилось в хобби, простое увлечение. Мир любителей, а не профессионалов. На уровне последних, остались лишь командные игры и боевые виды.

Марк отодвинулся от монитора СПК. Захотелось просто отвлечься. Посмотреть фильм или послушать музыку. После часового штурма музыкального мира современности, он решил найти треки своей истории. Теперь Марк уже умел пользоваться архивами банка данных, в которых и нашлись нужные для себя песни. Первой он вспомнил группу «Впрок». Их рэп стоял у него на репите долгое время, треки били в наушниках, заставляя задумываться о высоких материях. Первой из списка ему выпала песня «Ни с теми». Не став долго колебаться, он нажал на плей и комната наполнилась громкими битами. Ностальгия. Думали ли тогда ребята, что их песни будут слушать спустя почти два века, после написания слов? В припеве женский голос спрашивал высоким вокалом:

«Где нам всем найти пристанище?
Там, где горят родные огни,
Где же нам всем найти убежище,
Там, где мы точно не будем одни?»

VI

Прошла половина недели перед тем, как куратор напомнил Марку, что пора обеспечить себя СР-кейсом. Для начала он предложил найти самую простую работу в тех категориях, которые были доступны с социальным статусом уровня 3. Сделать это оказалось задачей несложной. Работа сама искала Марка. Как только он привык к своим новым апартаментам, а выход на улицу перестал быть испытанием, ППК стали приходить всевозможные виды вакансий и заработков. В РуВИС он числился безработным и умная программа присылала в директ кучу спама. Весь этот шлак был не нужен и несколько фильтров в настройках сделали свое дело. На глаза попала торговая организация, которая гарантировала достаточно привлекательный СР-кейс за работу, которую не стали описывать. Необходимо пройти собеседование и тогда компания подберет должность. Отправляя туда запрос, Марк не колебался. А спустя пару минут ППК пискнул очередным сообщением о том, что он стал пятым в очереди на собеседование. Далее было определено время и место. И на следующий день к двенадцати Марк оправился в одну из высоток левого берега Новосибирска. Пир не пошел с ним, заявив, что этот шаг он должен сделать самостоятельно без чьей-либо помощи. Дорога на ветро заняла двадцать минут. Нужная дверь отыскалась быстро, и к назначенному времени Марк в полном одиночестве ожидал своей очереди, сидя в холле с полосатыми желтыми стенами.

За дверью кабинета не было ничего, кроме напольных ламп в углу и большого панорамного окна. Два мягких кресла тех же тонов, что и стены в холле смотрелись отчего-то неприметными. В одном из них сидела девушка лет двадцати пяти. Черный деловой костюм – белая блузка, пиджак, брюки. Нога на ногу, лицо невозмутимо, в руках большой планшет как альбомный лист. Черные волосы слева были выбриты до нескольких миллиметров, справа прямые волосы на контрасте были длиннее и спускались на плечо, закрывая наполовину лица и нейронера. В ухе маленькой точкой маячила сережка с камнем, играя бликами солнца из окна. Девушка кивнула и рукой предложила сесть напротив.

– Хей, Марк, – начала она отрывистым тоном, – меня зовут Леис, я рекрутер компании «Стелла». Смотрите, сейчас я разговариваю с вами от лица фирмы, потому мне нужно будет разрешение на допуск к вашим персональным данным.

– Разрешаю, – Марк постарался расслабиться и непринужденно улыбнуться.

Леис что-то набрала на планшете и ладонью сделала свип в сторону парня. На его коммуникаторе высветился запрос.

– Тогда нажмите «согласен» и мы начнем.

Марк подтвердил свое согласие, и девушка какое-то время изучала открывшиеся ей данные.

– Итак, Марк, – она стала говорить чуть медленнее, – Вы фригус-заключенный. Неделью назад вышли из анабиоза... как вам... мир?

– Привыкаю.

– Очень хорошо. Я видела интервью с вами, пару дней назад. Вы являетесь самым старшим жителем Земли.

– И к этому я тоже привыкаю.

– Значит, из столицы вы решили перебраться сюда. Почему? Вы здесь родились?

– Нет. Просто когда-то жил. И захотел вернуться.

– Начать все заново?

– Можно и так сказать.

– Ага. И работу вы ищите по условиям государственного пакета, да? Там дается месяц на поиски?

– Есть какая-то бумага, которая говорит, что я должен найти себе занятие.

– Понятно, – девушка глубоко выдохнула и вновь сосредоточила взгляд на своем планшете.

– Леис, – произнес Марк, наклонившись чуть вперед, – может показаться, что работу я ищу только для галочки...

Та скривила уголок рта и посмотрела на него:

– Но это не так?

– Не так, – подтвердил тот, – я не ленивый и готов работать. Будет интересно посмотреть какие теперь условия труда в эпоху безденежного рабства.

Улыбка Леис сделалась еще шире.

– Почему же рабства? – спросила она риторическим тоном, – социально-рабочие пакеты очень хорошо сформированы в нашей компании. Правда, поправьте меня, если я окажусь неправа, вы понятия не имеете что мы за организация?

– Да, это так. Пришел в первое место, куда серьезно позвали.

– Хорошо. Тогда я в двух словах расскажу. «Стелла» занимается производством и продажей консервированных продуктов длительного хранения. Мы локальное предприятие, но крупное в городе. Для вас... для вас я могу предложить работу на одном из наших складов. У вас мало информации в профиле. Есть права на вождение транспорта? Какая категория?

– Раньше была В и С, но это было очень давно, как вы понимаете. Тогда транспорт был другим.

– Думаю, это не будет проблемой, – девушка вновь уткнулась в планшет, – смотрите, есть работа оператора погрузочных станков. Погрузка и разгрузка авто с товаром. Понимаю, что управлять станками вы не умеете, но есть программа для стажеров и повышения квалификации в рамках профессии.

– Оператор погрузочных станков, – повторил Марк, пробуя слова на вкус, – значит, вот так теперь звучит профессия грузчика?

– Эм... ну, подождите, – что-то в его голосе заставило Леис сомневаться в предложенной работе, – если вы не хотите...

– Нет-нет, наверное, вполне устраивает.

– Уверены?

– Если честно – не знаю. Не думал, что грузчик будет венцом в моей карьере. Значит, с моим социальным уровнем я смогу найти только подобные вакансии. Вы же видите мой уровень социальной значимости?

– Конечно, вы только что дали на это разрешение.

– Как, по-вашему, он низок?

– Я не вправе давать оценку человеку по социальному статусу.

– Хотя этот статус уже является оценкой, не так ли?

Девушка замялась:

– Могу сказать вам одно – уровень социальной значимости всегда можно увеличить.

– Знаю. Это мне объяснили. И я понял, что проблема социального уровня номер один для большинства людей.

– И для вас?

– Получается так.

– Тогда вы становитесь полноценной частью общества. Это ведь тоже важно.

– Наверно, вы правы, Леис, – Марк слегка скривился и посмотрел на сотрудницу, – так что там с этим оператором станков?

– Если вас устраивает, – та сделала небольшую паузу, – тогда я могу принять вас на эту должность. Тут неплохой СР-кейс, так как работа физическая все-таки, но детали и особые пункты мы должны будем прописать сейчас. Тем более, что части информации о вас нет в базе.

– Это, какой?

– Например, медицинские данные. Есть ли какие-то заболевания. Требуется ли постоянное лечение или периодическое? Нужно ли делать акцент на этот пункт при распределении лимита бюджета СР-кейса? Нужны ли вам специальные лекарства или мед. услуги? Истории больничных тоже нет, поэтому оценка рисков с точки зрения здоровья будет затруднена.

– Звучит крайне сложно.

– Только на первый взгляд, – девушка откинулась на спинке кресла, – далее, есть ли особые увлечения, хобби?

– Мои увлечения крайне скудны.

– Совсем ничего? Спорт, искусство? Может, что-то из науки? Или что-то коллекционируете? Или играете? Туризм?

– У меня ощущение, что вы надо мной издеваетесь.

– Послушайте, оформление СР-кейсов очень важная задача. Это основа. Чтобы обеспечить вам нормальное существование с первых месяцев. Если мы что-то забудем сейчас, то на переформление, вернее на пересмотр пакета уйдет намного больше времени, чем сейчас. Конечно, не факт, что одобряют, но все же. Итак? Вредные привычки есть?

– Курю.

– А из увлечений? Точно ничего не хотите добавить?

Марк задумался, глядя в потолок. У человека должно быть хоть какое-то увлечение. Хоть что-то. Он не мог быть настолько скучным.

– Раньше играл в компьютерные игры, – ответил он.

– Видеоигры?

– Да, видео.

– Хорошо, занесу это в ваш пакет. Наша компания мало сотрудничает с маркетами этой индустрии, но кое-что есть. Годовая единократная покупка основной техники, – девушка стала зачитывать информацию с планшета, – плюс лимитированные покупки в сети, лимитированные покупки дополнительных гаджетов, единократный ремонт техники. Собственно, все. Всякие турниры по киберспорту, поездки и клубы компания не оплачивает. Но, как я поняла, вам и не особо нужно?

Парень удивленно поднял брови.

– Что-то не так?

– Мы вот так будем прописывать каждый пункт?

– Да, с каждым пунктом. Это, действительно, очень важно.

Марку прописали все: маркеты, в которые он мог ходить, услуги транспорта, услуги медицины, услуги досуга и много чего. В контракте даже определили сколько он мог позволить себе тех или иных никотиновых бэйлов для своей сигареты. В какой-то момент парень просто перестал воспринимать слова Леис и кивал на автомате.

– И еще кое-что, – эту фразу девушка произносила уже в десятый раз, – Ваши апартаменты. Скажите мне какая у них категория?

– Кажется класс F.

– Вы в программе реабилитации?

– Да, в ней. А что, есть проблема?

– Ваш СР-кейс у нас рассчитан максимум на категорию апартаментов до класса «R». И то, если они в собственности. А аренда жилья только до класса «D».

– Так, я еще плохо понимаю эту новую классификацию, но, давайте, простым языком? Мне что, придется сменить жилье?

– Не сейчас, нет. Но по истечению госпакета, если останетесь с нашим нынешним СР-кейсом, то да.

– Ну, не вопрос – съеду, если нужно будет. Надеюсь, за это время не слишком привыкну к тому месту.

– На случай переезда в СР-кейс входят услуги риелторских маркетов. Дважды в год ими можно пользоваться. Есть еще вариант, если вы все же привыкнете к тому месту – можете остаться в своих апартаментах, но тогда надо будет сократить пакет в чем-то другом.

– В чем? Медицина? Я редко болею, давайте ее.

– Нет-нет, исключено. Медицина входит в обязательную часть и положена всем. Мы не можем исключить ее по закону, так как каждый человек имеет право на лечение. Медпакет у вас не расширенный, так, что сокращать нечего. Либо досуг, либо, – девушка пробежалась глазами по планшету, – больше нечего, извините.

– Ладно, – Марк пожал плечами, – пошикую месяц и свалю в дыру попроще. Только это получается, что я буду ограничен в рамках этого СР-кейса, да?

– Ограничен? Почему же ограничен? У вас же есть все необходимое для жизни. Раз в год даже поездка за границу. По ней нужно отдельно поговорить, но тем не менее, она у вас будет.

– А если я захочу приобрести то, что не входит в мой пакет?

– Если вы уверены, что вам что-то необходимо, лучше обговорить это сейчас и мы включим это в ваш кейс.

– Не думаю, что мой кейс потянет это.

– О чем вы? Что вы хотите приобрести?

– Не знаю. Захочу чего-нибудь неординарного для себя, – Марк сощурил глаза и запустил правую руку себе в волосы, – например, яхту.

– Яхту? Корабль?

– Да.

– Зачем? Вы увлекаетесь мореходством?

– Нет.

– Коллекционируете водный транспорт?

– Нет.

– Может быть спорт? Спортивный катер?

– И опять мимо.

– Тогда, Марк, Вам не нужна яхта. Я так понимаю, ловить рыбу с нее вы тоже не собираетесь?

– Не собираюсь, – тот глубоко вздохнул, – но может быть, я просто захочу владеть ею, понимаете? Просто так.

– Вам, правда, она нужна? – Девушка нахмурилась и замотала головой, – я правда не понимаю.

– Зато понимаю я... Ладно, не берите в голову. Я просто предположил. Шутка. Скажите, что еще нужно сделать, чтобы оказаться с работой?

– Эм... да... конечно. По основным пунктам кейса все. Сейчас Вам придет несколько документов, подпишите их и отправьте обратно адресату. В течение суток кейс будет доработан и выслан Вам в директ. Вы ознакомитесь и подпишете его, если все устроит. Тогда с Вами свяжутся и уже обсудят детали работы: первый рабочий день, куда идти и прочее.

– Хорошо, буду ждать.

Уходя, Марк на какое-то время задержался, прежде чем открыть дверь и выйти обратно в холл.

– Скажите, – заговорил он, – почему вы не стали расспрашивать меня кто я, какие мотивы, чего я хочу от работы и кем себя вижу? Вдруг я Вам не подхожу?

– Во-первых, компания нанимает вас не директором предприятия, а оператором погру-зочных станков. Вряд ли вы не подходите на эту работу.

– А во-вторых?

– А во-вторых, я всего лишь озвучиваю те вакансии, которые система изначально отобрала для людей, после того, как те сделали заявку.

– Вот как? Так может я поторопился с выбором работы, и стоило прослушать все варианты?

– Вы их и прослушали, – девушка сжала губы словно ей было неловко.

– Вот оно что, – Марк рассмеялся, – тогда вопросов больше не имею. До свидания, Леис.

– Была рада вам помочь, Марк Анатольевич. Спасибо, что выбрали нас.

– Спасибо, что выбрали меня, – смеясь, тихо ответил он и потянул ручку двери.

Оказавшись на улице, Марку захотел пройтись. Выбрав в коммуникаторе ближайший парк, он побрел туда, ориентируясь по навигационной карте. Место оказалось парком культуры и отдыха имени Кирова. Он бывал здесь когда-то давно, но теперь совершенно ничего не узнавал. Пройдя метров сто среди деревьев, Марк увидел места отдыха – площадку с тонкими конструкциями, похожими на ленты. Они плавно изгибались, создавая собой подобие овала, на котором можно сидеть, как и внутри, словно в гамаке, так и снаружи, загорая на солнце. Он выбрал первый вариант. На вид твердый материал оказался комфортным и мягким, а форма изгиба «скамейки» оказалась очень удобной для спины. Своей шириной конструкция могла запросто укрыть от дождя. В ней была встроена солнечная батарея и, при желании, в хорошую погоду от нее можно было зарядить какое-нибудь устройство. Осмотревшись, Марк увидел, что некоторые люди этим и занимались. Кто лежал сверху, закрыв глаза и воткнув в уши беспроводную гарнитуру, кто сидел как он внизу с планшетом в руках. Рядом бегали дети, недалеко играла музыка. Несколько раз над головой пронеслись маленькие дроны и взмыли вверх. Стало интересно наблюдать за жизнью людей со стороны. Такая идиллия породила желание сделать снимок на свой коммуникатор – опробовать камеру на современных технологиях. Чтобы было удобнее, Марк снял браслет ППК и попытался активировать режим съемки. Птицы летают рядом с дронами, автомобили не издают рычаний, звуки поезда доносятся сверху – из привычного только гудения ветра. Но что-то остановило его. Затея показалась глупой. Когда-то давно, выкладывая фотографию в соцсеть, он был уверен в том, что на нее посмотрят. Друзья и семья увидят и оценят его жизнь. Но теперь некому было демонстрировать этот мир. Он находился за всеми возможными пределами. Один. Наблюдения уводили его внутрь себя, говоря, что он не должен был быть частью всего этого.

– Эй, парень! – непринужденный женский голос заставил его встрепенуться, – у тебя коммуникашка упала.

Марк повернул голову. На соседней скамье в точности, как и он сам, полусидела девушка лет двадцати пяти. Готический образ длинноволосой брюнетки с темными тенями под глазами приковывал особое внимание. Черные штаны, кроссовки, жилетка и белая футболка под ней. Девушка смотрела прямо на него, указывая рукой куда-то вниз.

– Что-что?

– Коммуникашка, говорю.

– Эм, – Марк невольно опустил глаза и увидел под правой ногой браслет коммуникатора, очевидно выпавший у него из рук, – а-а, ППКшник упал, спасибо.

Девушка внимательно наблюдала за тем, как парень надевает его обратно на руку. Затем, чуть наклонив голову, спросила:

– Неудачный день?

– Что?

– День неудачный, говорю?

– С чего вы взяли?

– Здесь в это время только дети и их мамы, и люди, у которых что-то не получилось в этот час сделать.

Ее манера общения тут же отбила желание обращаться к ней на «вы». Типичная пацанка, что придало ей особый шарм в глазах Марка. Она была первым человеком, заговорившим с ним просто так.

- Раз так, то и у тебя, выходит, сегодня что-то не получилось?
- Та поджала уголок рта и сменила положение, перестав опираться о спинку скамейки.
- Типа того. Я тут частая гостья по такому случаю. Умею опознать человека с проблемой.
- И это все потому, что упал мой ППК?
- Знаешь, человек сел на лежак, зачем-то снял коммуникашку, начал фотографировать и внезапно выронил его из рук. С тобой явно что-то не так.
- Может быть, я просто стараюсь привыкнуть к окружению?
- Девушка слегка нахмурилась:
- А ты от него отвык?
- Ну, скажем так, долго отсутствовал.
- Интересно-интересно, совсем долго?
- Как тебя зовут, любопытная? – Марк заглянул ей прямо в глаза, и та долго не отводила взгляда. Затем встала, сделал два шага и села рядом:
- Лизавета. Или Елизавета. Можно просто Лиза.
- Перед глазами на секунду вновь возникла Алина. Марк зажмурился и даже чуть отстранился назад, вспоминая строчку песни группы «Впрок»:
- Не смогу перестать я, искать тебя, Лиза.
- Что-что? – девушка нахмурилась, – что ты там говоришь?
- Нет-нет... Ничего... Я Марк, кстати.
- Марк? Интересное имя.
- Спасибо, это у меня от родителей, – он образно протянул ей руку.
- Шутник, да? – скривилась она и ответила на рукопожатие.
- На самом деле нет, просто удачно получилось.
- Пару секунд они держались за руки.
- И все? – спросила та, убирая ладонь.
- Твои вопросы, Лиза, все больше вводят меня в заблуждения, – Марк попытался улыбнуться еще шире, но получилось нелепо, – что все?
- Даже не предложишь обменяться контактами?
- При этих словах его глаза скользнули на запястья ее рук. На них не было браслета коммуникатора.
- Твой ППК, – сказал он, – на руке его нет. Он как-то по-другому выглядит?
- Нет, у меня его нет.
- Вот как? А я и не знал, что можно обходиться без них?
- Можно, – Лиза посмотрела на него с возрастающим интересом, – это, правда, немного необычно, но все же возможно. Твое лицо, Марк?
- Что мое лицо?
- Оно кажется мне знакомым.
- Возможно, ты тоже смотрела интервью с моим участием.
- Интересно-интересно, интервью?
- Да, брали пару дней назад. Потому, что я стал старейшим на этой планете.
- С секунду девушка подозрительно смотрела на него, а потом вдруг расплылась в улыбке, словно человек с внезапным выигрышем в лотерею:
- Ну, конечно, – она ткнула в него пальцем, – Марк, говоришь, тебя зовут? Ты Марк Круглов? Фригус-заключенный на сто пятьдесят лет. Твое освобождение было совсем недавним.
- Да, собственной персоной, Лиза.
- Офигеть! Это и вправду ты. Так, значит, Новосибирск?
- Новосибирск.
- Это круто. Сколько дней уже на свободе?

– Где-то неделю.

– Эм... знаю, тебя, наверное, достали уже с этим вопросом, но как тебе новое время?

Нравится здешняя диктатура?

– Почему диктатура?

– Хм, думала, что за неделю ты почувствовал бытие страны.

– Что? А что с ним не так? Социальная жизнь на уровне. Продолжительность жизни выросла. Медицина на высоте. Экономика, вроде, тоже.

– Вроде так, все верно, – та подняла одну бровь, – ты пьешь кофе? Угостишь девушку?

– Угощу, – Марк хмыкнул, – только где тут кофейня?

– Тут есть фудпоинт, недалеко. Пойдем.

Они встали и направились к выходу из парка. Оказавшись на углу проспекта, у самого перекрестка Марк увидел, что такое фудпоинт. Так называли обычный, на первый взгляд, киоск с кофе. Это был огромный механизм, как кухонный комбайн в апартаментах, только мощнее и больше. Огромный кофейный автомат.

– Ну, что, пользоваться умеешь? – спросила Лиза.

– Нет.

– Прислони коммунишку вот сюда, – она указала чип с правой стороны от окна выдачи. Послышался сигнал, и на ППК Марка отобразилось все меню поинта.

– Раз ты недавний заключенный, у тебя уже должен быть СР-кейс? Ты же на гособеспечении, да?

– Верно. Смотрю, ты просвещена в этом вопросе?

– Немного. Тогда гуляем! Я буду с молоком и сахаром, – ткнула она пальцем в его коммуникатор, и сделанный выбор упал в корзину заказов.

– Ну, я не люблю кофе, – отозвался Марк и начал рассматривать остальные предложения напитков. Остановился на черном чае с барбарисом, мятой и молоком.

– Выбрал?

– Выбрал.

– Теперь прислони еще раз, и заказ будет готов.

Он вновь прислонил коммуникатор к чипу и поинт загудел. А через минуту в окне выдачи появились две пол-литровые чашки с горячими напитками, закрытыми плотными белыми крышками.

– Отлично! – девушка взяла свой и сделала большой глоток.

Марк повторил за ней, и они отошли от поинта чуть в сторону. Напиток оказался очень горячим, но приятным на вкус. Сочетание обещанных вкусов хорошо гармонировало.

– Так и как тебе тут, я не поняла? – спросила она, вновь отпив кофе, – в сравнении с твоим временем? Стало лучше?

– Мне трудно сказать. Тут, наверняка, есть свои проблемы. Но уровень жизни мне нравится.

– М-м-м, – протянула та, – а уровень социальной значимости свой тебе тоже нравится? Искал уже работу?

– Не поверишь, я только что ее нашел.

– Правда? И кем устроился?

– Пока оператором погрузочных станков, так, кажется, называется.

– Наверняка как-то так, – Лиза пожала плечами, и Марк обратил на это внимание.

– А ты, я смотрю, не сильно довольна современной жизнью. Или только своей?

– Я? Я против узурпирования! Конечно, я недовольна.

– Узурпирования? Кого и кем?

– Народа правительством, конечно же.

Марк усмехнулся:

- Сколько бы лет не прошло, а в России всегда народ будет недоволен властью.
- В твоё время тоже были недовольства?
- Были, но все причины сейчас неактуальны. Проблемы решены.
- Думаешь?
- Я это вижу. Нет, есть, конечно, странности в мышлении. Мне вот тут сказали, что я не должен хотеть яхту...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.